

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. Рег. ПИ № ФС77-29367 от 23.08.2007 г.

Издается с 2006 г. Периодичность — 2 раза в полугодие

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Белых-Силаев Д. В.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Полковников Р. М.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Еремин Н. П., Коломойцев М. М., Липа П. К.,
Моцардо В. И., Мудрагей А. И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Багмет А. М., к. ю. н.
Вехов В. Б., д. ю. н., проф.
Георгадзе М. С., д. псх. н.
Германов Г. Н., д. п. н., проф.
Горленко В. В., д. в. н., к. ф. н., проф.
Гурьянов Ю. Н., д. псх. н., проф.
Дерешко Б. Ю., к. ю. н., доц.
Дмитриев И. В., к. псх. н.
Дворянчиков Н. В., к. псх. н.
Дозорцева Е. Г., д. псх. н., проф.
Дьячук И. А., к. соц. н., доц.
Зинченко Ю. П., д. псх. н., проф.
Иванков Ч. Т., д. п. н., проф.
Караяни А. Г., д. псх. н., проф.
Кекелидзе З. И., д. м. н., проф.
Ковалев О. Г., д. ю. н., проф.
Кокурин А. В., к. псх. н., доц.
Котенев И. О., к. псх. н., доц.
Маликов С. В., д. ю. н., проф.
Марченков В. И., д. п. н., проф.
Мишуткин И. В., к. ю. н.
Можгинский Ю. Б., д. м. н.
Мягих Н. И., к. псх. н.
Пашин С. А., к. ю. н., проф.
Поляков С. П., д. п. н., проф.
Попов Д. Г., к. филос. н.
Простяков В. В., к. псх. н., доц.
Сафуанов Ф. С., д. псх. н., проф.
Селиверстов В. И., д. ю. н., проф.
Топорков А. А., д. ю. н., проф.
Холодный Ю. И., д. ю. н., проф.
Цветков Ю. А., к. ю. н.
Эминов В. Э., д. ю. н., проф.
Яковлев В. Ф., д. м. н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В. В., чл.-корр. РАО, заслуженный юрист РФ,
д. ю. н., профессор

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е. А., Платонова О. Ф.

ВЕРСТКА:

Калинина Е. С.

115035, г. Москва, ул. Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О. А., к. ю. н.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный).
Подписные индексы: «Объединенный каталог. Пресса России» — 91913.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

АКТУАЛЬНОЕ МНЕНИЕ

Караяни А. Г. «Русский авось» как антагонист поведенческой иммунной системы в борьбе с COVID-19.....3

ПСИХОЛОГИЯ

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мансурова З. Р., Асмандиярова Н. Р.
Криминологические и психологические аспекты в предупреждении коррупционной преступности8
Зуева Е. Г., Семакова А. И. Оценка психологических ресурсов слушателей образовательных организаций МВД России на завершающем этапе обучения 12

ПСИХОЛОГИЯ ГРАЖДАНСКИХ

ПРАВООТНОШЕНИЙ

Кузнецова М. А. Медиация в системе способов защиты гражданских прав 18
Решетова Н. П., Арутюнянц Т. С. Отношение к кредитам у военнослужащих с различным типом кредитного поведения 22

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Белых-Силаев Д. В. Проблемы развития психологической службы в системе военно-политических органов 27
Горбачев И. В. Влияние психологического сопровождения и индивидуально-воспитательной работы на психологическое благополучие военнослужащих ВС РФ 34

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИГРАФОЛОГИИ

Свободный Ф. К., Свободный Б. Ф. Применение полиграфа для определения субъективной значимости неосознаваемых визуальных стимулов 37

Уважаемые авторы, просим вас направлять статьи на электронный адрес редакции журнала «Юридическая психология»: 014130@mail.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических и психологических наук.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа». 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Тираж: 1500 экз.
Цена свободная.
Номер подписан: 06.10.2020.
Дата выхода в свет: 05.11.2020.
ISSN 2071-1204

Juridical Psychology

No. 4/2020

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. REG. PI No. FC77-29367 of August 23, 2007.

Published quarterly. Published since 2006.

FOUNDER:

Jurist Publishing Group

EDITOR IN CHIEF:

Belykh-Silaev D.V.

DEPUTY EDITOR IN CHIEF:

Polkovnikov R.M.

ASSISTANTS TO THE EDITOR IN CHIEF:

Eremin N.P., Kolomojtssev M.M.,

Lipa P.K., Motcardo V.I., Mudragay A.I.

EDITORIAL BOARD:

Bagmet A.M., PhD (Law),

Vekhov V.B., LL.D., Professor,

Georgadze M.S., Doctor of Psychological Sciences,

Germanov G.N., Doctor of Pedagogic Sciences, Professor,

Gorlenko V.V., Doctor of Military Sciences, Professor,

Gur'yanov Yu.N., Doctor of Psychological Sciences, Professor,

Derezhko B.Yu., PhD (Law), Associate Professor,

Dmitriev I.V., PhD in Psychological Sciences,

Dvoryanchikov N.V., PhD in Psychological Sciences,

Dozortseva E.G., Doctor of Psychological Sciences, Professor,

D'yachuk I.A., PhD in Sociological Sciences, Associate Professor,

Zinchenko Yu.P., Doctor of Psychological Sciences, Professor,

Ivankov Ch.T., Doctor of Pedagogic Sciences, Professor,

Karayani A.G., Doctor of Psychological Sciences, Professor,

Kekelidze Z.I., Doctor of Medical Sciences, Professor,

Kovalev O.G., LL.D., Professor,

Kokurin A.V., PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,

Kotenev I.O., PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,

Malikov S.V., LL.D., Professor,

Marchenkov V.I., Doctor of Pedagogic Sciences, Professor,

Mishutkin I.V., PhD (Law),

Mozhginskij Yu.B., Doctor of Medical Sciences,

M'agkikh N.I., PhD in Psychological Sciences,

Pashin S.A., PhD (Law), Professor,

Polyakov S.P., Doctor of Pedagogic Sciences, Professor,

Popov D.G., PhD in Psychological Sciences,

Prostyakov V.V., PhD in Psychological Sciences, Associate Professor,

Safuanov F.S., Doctor of Psychological Sciences, Professor,

Seliverstov V.I., LL.D., Professor,

Toporkov A.A., LL.D., Professor,

Kholodny'j Yu.I., LL.D., Professor,

Tsvetkov Yu.A., PhD (Law),

E'minov V.E', LL.D., Professor,

Yakovlev V.F., Doctor of Medical Sciences

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., corresponding member of the RAE,

Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Platonova O.F.

LAYOUT:

Kalinina E.S.

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel./fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

SUBSCRIPTION:

Unified catalogue. Russian Press – 91913.

CONTENTS

RELEVANT OPINION

Karayani A.G. The Russian Complacency as an Antagonist of the Behavioral Immune System in Combating Covid-19.....3

PSYCHOLOGY OF LAW ENFORCEMENT

Mansurova Z.R., Asmandiyarova N.R. Criminological and Psychological Aspects of Prevention of Corruption-Related Crime8
Zueva E.G., Semakova A.I. Evaluation of Psychological Resources of Students of Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the Final Training Stage 12

PSYCHOLOGY OF CIVIL RELATIONS

Kuznetsova M.A. Mediation in the System of Civil Right Protection Means 18
Reshetova N.P., Arutyunyan T.S. The Attitude to Credits of Military Servicemen with a Different Credit Behavior Type 22

ISSUES OF MILITARY PSYCHOLOGY

Belykh-Silaev D.V. Issues of the Development of the Psychological Service in the System of Military Political Authorities 27
Gorbachev I.V. The Influence of Psychological Support and Individual Educational Work on the Mental Well-Being of Military Servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation 34

POLYGRAPH EXAMINATION ISSUES

Svobodny F.K., Svobodny B.F. The Use of a Polygraph to Determine Subjective Importance of Unconscious Visual Stimuli..... 37

Dear authors, please send your articles to the electronic address of the editorial office of journal «Juridical Psychology»: 014130@mail.ru

The journal is included in the database Russian science citation index **eLIBRARY.RU**

Recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of basic results of doctoral theses.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Tel.: (4842) 70-03-37 Circulation: 1500 copies.
Free market price.
Passed for printing: 06.10.2020.
Edition was published: 05.11.2020.
ISSN 2071-1204

«РУССКИЙ АВОСЬ» КАК АНТАГОНИСТ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ИММУННОЙ СИСТЕМЫ В БОРЬБЕ С COVID-19

КАРАЯНИ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
член-корреспондент Российской академии образования,
доктор психологических наук, профессор
karayani@mail.ru

В статье анализируется понятие «русский авось» как когнитивно-аффективно-поведенческая констелляция, влияющая на принятие решений и поведение русских людей в некоторых неопределенных жизненных ситуациях. Раскрывается структура этого психологического образования. Дается описание сущности поведенческой иммунной системы. Анализируется соотношение констелляции «русский авось» и поведенческой иммунной системы в контексте пандемии COVID-19. Показаны условия и меры по купированию проявления констелляции «русский авось» в процессе переживания пандемии коронавируса.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, поведенческий иммунитет, «русский авось».

THE RUSSIAN COMPLACENCY AS AN ANTAGONIST OF THE BEHAVIORAL IMMUNE SYSTEM IN COMBATING COVID-19

KARAYANI ALEKSANDR G.
Chief Research Scientist of the National Research Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Corresponding Member of the Russian Academy of Education
Doctor of Psychology, Professor

The article analyzes the concept of russian ‘may be’ as a cognitive-affective-behavioral constellation that affects the decision-making and behavior of Russian people in some uncertain life situations. The structure of this psychological concept is revealed. The essence of the behavioral immune system is described. The ratio constellation of russian ‘may be’ and the behavioural immune system in the context of COVID-19 pandemic is analyzed. The conditions and measures for stopping the manifestation of constellation russian ‘may be’ in the process of experiencing the coronavirus pandemic are shown.

Keywords: pandemic, coronavirus, behavioral immunity, russian ‘may be’.

Анализ статистических данных по развитию пандемии COVID-19 свидетельствует о том, что надежды человечества на летний ультрафиолет как на мощное антиковидное средство не оправдались. Динамика пандемии сложна и нелинейна. Высокими темпами развивается пандемийная обстановка в Бразилии, США, Франции, Аргентине, Колумбии и других странах. В Израиле повторно введен государственный карантин.

В последнее время наблюдается ухудшение пандемийной ситуации и в России. Здесь на протяжении августа — сентября отмечается постоянный рост количества зараженных коронавирусом и повторяются пиковые значения заболевания июля (более 6 тыс. заболеваний в день). Факторы, лежащие в основе этой тенденции, различны, и лежат в разных сферах индивидуальной и социальной жизни людей. Они рассмотрены в ряде научных работ¹,

¹ Бельх-Силаев Д.В. Психологические проблемы, связанные с коронавирусной инфекцией // Юридическая психология. 2020. № 2. С. 3–8; Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Инфодемия: атрибут или артефакт пандемии // Юридическая психология. 2020. № 3. С. 3–7; Ростовская Т.К. Ценности российской и

в ходе международных и всероссийских онлайн-конференций².

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть характер влияния психологического образования, обозначаемого как «русский авось», на эффективность функционирования поведенческой иммунной системы в контексте борьбы с COVID-19.

Методами исследования избраны включенное наблюдение, контактный опрос, дистанционный, опосредствованный социальной сетью, опрос спе-

китайской семьи в условиях режима самоизоляции / Т.К. Ростовская, И.А. Шаповалова, Е.А. Князькова // Человеческий капитал. 2020. № 8 (140). С. 94–103.

² Онлайн-конференции МИА «Россия сегодня» на тему «Психологические вызовы COVID-19: начало учебного года». URL: http://rpo.pf/news/news_gro/unit/8695/; Международная онлайн-конференция «Психологическое сопровождение пандемии Covid-19: международный опыт». М.: МГУ, 2020. URL: http://rpo.pf/news/news_gro/unit/8669/; Круглый стол на тему «Психологические вызовы пандемии коронавируса: как с ними справиться». М.: МГУ, 2020. URL: http://rpo.pf/news/news_gro/unit/8623/ (по сост. на 29.06.2020).

циалистов-психологов, анализ литературы по теме исследования.

Феномен поведенческой иммунной системы стал рассматриваться в качестве самостоятельного явления достаточно недавно. В начале XXI в. американский и канадский психолог, специалист в области психологии социального познания, стереотипизации, эволюционной и культурной психологии профессор психологии в Университете Британской Колумбии Марк Шаллер (Mark Schaller) предложил концепт поведенческого иммунитета. Шаллер определяет *поведенческую иммунную систему* (the Behavioral Immune System, 'BIS') как набор эволюционировавших психологических механизмов, которые служат первой грубой линией защиты от инфекционных заболеваний. Поведенческая иммунная система, по мнению Шаллера, включает в себя сенсорные механизмы, позволяющие людям обнаруживать присутствие патогенных микроорганизмов в объектах (в том числе и людях) их непосредственного окружения, а также стимульно-реактивные механизмы, запускающие отвращающие аффективные, когнитивные и поведенческие реакции на эти вещи (и людей)³.

Другими словами, совокупность психологических и поведенческих механизмов, составляющих поведенческий иммунитет, призвана, с одной стороны, обеспечить распознавание опасности заражения, вредных веществ или вызывающих болезни паразитов, с другой стороны, обусловить профилактическое поведение, обеспечивающее предотвращение заболевания. Для чего действуют специальные поведенческо-иммунные механизмы: когнитивные (восприятие патогенов как опасных; мысли о патогенах), аффективные (эмоции брезгливости, отвращения, страха и т.д.) и поведенческие (совершение действий по защите себя от патогенов) и т.д.

В литературе показано, что поведение, связанное с избеганием патогенов, является универсальным для всех культур. Все человеческие сообщества предпринимают индивидуальное и групповое поведение, связанное с гигиеной. Такое, «иммунное», поведение осуществляется в формах ухода за собственным телом, жилищем и местами совместного использования, избегания тесного контакта или обмена физическими жидкостями с другими (кроме родственников) и избегания вредных, загрязненных или незнакомых продуктов⁴. Вместе с тем выраженность иммунного поведения широко

варьируется в разных культурах, социальных группах и у разных людей. Это особенно ярко проявилось в ходе пандемии COVID-19.

Коронавирус SARS-CoV-2, вызывающий потенциально тяжелую острую респираторную инфекцию COVID-19, заразивший более 31 млн жителей планеты и лишивший жизни почти 1 млн из них, является мощным патогеном, имеющим выраженные внешние признаки (нарушенное дыхание, кашель, болезненный вид человека и др.). Он должен, по определению, запускать все механизмы поведенческого иммунитета. Однако, как показывает изучение, большое количество людей не «включают» или быстро подавляют в себе все гигиенические и защитные формы поведения. Это в значительной степени касается и российских граждан. Аффективно отреагировав на начальную стадию пандемии (ажитоажная скупка средств индивидуальной медицинской защиты, медицинских препаратов, средств гигиены, продуктов), россияне быстро успокоились. Для оценки степени образовавшегося безразличия к пандемии мы в период между «волнами» заболевания провели исследование иммунного поведения россиян в Москве (городе, подвергшемся наиболее сильному удару пандемии). Исследование проходило в форме включенного наблюдения, проведенного 11 августа 2020 г. в метро, автобусе, на научном форуме и в торговом центре.

В процессе наблюдения в метро в период с 10.00 до 11.00 и с 15.00 до 16.00 в вагонах, где проходило исследование, находилось (с учетом вновь входящих) в общей сложности 128 человек (84 мужчины и 44 женщины) (см. рис. 1).

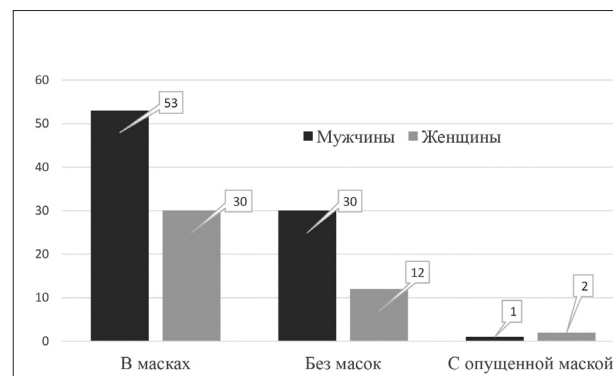

Рис. 1. Показатели иммунного поведения пассажиров в метро

Из рисунка 1 видно, что из 84 мужчин 31 (37%) находились в вагоне без масок или со спущенной маской. Из 44 женщин 14 (32%) также не имели на лице масок. Из числа пассажиров перчатки были на руках только у двух человек. Среди тех, кто не надел маску, были представители всех возрастов. При этом наблюдалась странная картина: из 6 человек, которые кашляли, «кхэкали» или чихали, шестеро были без масок или приспускали маски, для того чтобы кашлянуть в руку. На одно из заме-

³ Schaller M. Parasites, behavioral defenses, and the social psychological mechanisms through which cultures are evoked // Psychological Inquiry. 2006. № 17. P. 96–101; Schaller M., & Duncan L.A. The behavioral immune system: Its evolution and social psychological implications // In : Forgas J.P., Haselton M.G. & Hippel W. von (Eds.) Evolution and the social mind: Evolutionary psychology and social cognition. New York : Psychology Press, 2007. P. 293–307.

⁴ Curtis V., Barra M. de, Aunger R. Disgust as an adaptive system for disease avoidance behavior // In : Philosophical Transactions of the Royal Society B. Published 3 January 2011. 12 February 2011. Vol. 366. Iss. 1563.

чаний кашляющая женщина ответила: «Что ж, я потом в мокрой маске ходить буду?»

Одна пожилая пассажирка, пытавшаяся запретить молодой девушке без маски сесть на место, помеченное текстом «это место не занимать», была вынуждена сама встать, так как девушка в наушниках даже не отреагировала на ее просьбу.

На выходе из метро был сделан своеобразный наблюдательный срез из 100 человек, выходящих из подземки. Лишь 18 из них подошли к аппарату с антисептиком.

Следует отметить, что уровень иммунного поведения в метро можно оценить как достаточно высокий (около 2/3 пассажиров все же соблюдали хотя бы масочный режим). В автобусе он оказался существенно ниже. Всего в салоне автобуса, где осуществлялось наблюдение, находилось 32 человека (20 женщин и 12 мужчин) (см. рис. 2). Из 12 мужчин семеро (58%) были без маски и из 20 женщин одиннадцать (55%) были без маски или со спущенной маской. Лишь у одной женщины на руках были перчатки.

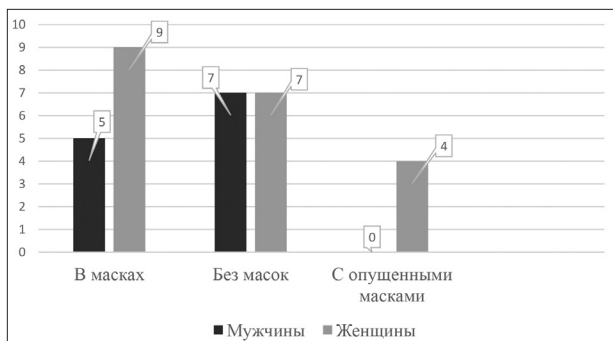

Рис. 2. Показатели иммунного поведения пассажиров в автобусе

Таким образом, среди пассажиров автобуса большинство не соблюдали требования защитного поведения. Степень заражения коронавирусом здесь существенно выше, чем в метро.

Третьей площадкой исследования была научная конференция с участием известных ученых. Антипандемийная безопасность была организована на форуме на высшем уровне. Перед мероприятием аудитория была продезинфицирована. Перед входом в аудиторию на специальных столиках лежали бесплатные одноразовые маски и перчатки. В нескольких местах были расположены емкости с антисептиками. Кресла в помещении были расставлены на требуемом расстоянии. Однако предложенными организаторами мерами безопасности воспользовались далеко не все участники форума.

Всего в конференции в режиме офлайн приняли участие 70 человек (46 мужчин и 24 женщины) (см. рис. 3).

Из рисунка 3 видно, что из 46 мужчин лишь 28 (60%) в масках, а 18 либо без масок, либо в при-

спущенных масках (чисто внешняя демонстрация наличия защитного средства). Лишь один мужчина имел перчатки.

Среди 24 женщин, участвовавших в конференции, 16 (67%) были в масках, а 33% либо без масок, либо с приспущенными масками. Четверо из них имели перчатки.

В процессе конференции участники сдвигали кресла, собирались в тесные группки на имеющихся диванах или в группы стоя.

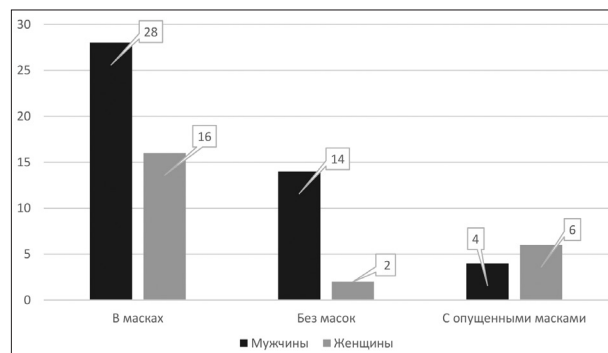

Рис. 3. Показатели иммунного поведения на научной конференции

Такое общение не гарантировало срабатывания поведенческого иммунитета. Между тем в этом научном сообществе ранее были случаи заболевания и смерти от COVID-19.

В торговом центре из 100 выбранных случайным образом (у эскалатора) посетителей лишь 19 человек были в масках и 6 — в масках, висящих на шеях.

Таким образом, изучение поведения разных социальных групп людей в различных аспектах и сферах их жизнедеятельности показало, что их иммунное поведение не соответствует пандемической ситуации.

Мы предложили группе психологов (7 чел.) опросить пассажиров метро, совершающих поездку без маски, о причине невыполнения мер безопасности. Было опрошено 27 «безмасочных» пассажиров и получены следующие ответы (повторы не приведены): «Маска есть, но я ее не ношу. Мне все равно», «Я ношу, когда много людей», «У меня хороший иммунитет», «В маске некомфортно», «Маска не поможет», «Я сама медик и знаю, что маски бесполезны», «Маска есть. Но я не чувствую необходимости ее носить», «Я уже переболел и второй раз не заболею», «Маска у меня в кармане», «Я не верю в коронавирус», «Дай маску, надену», «Ой! Забыл!», «В маске дышать тяжело», «Почти никто не носит, беру с них пример», «Маска не только не спасает, но и создает сложности», «Не знаю почему».

В перечисленных ответах очевидно преобладают оправдания, основанные на неверии в реальность пандемии, опасность коронавируса, полезность маски, равнодушии к сложившейся ситуации, нежелании разобраться в ситуации и

приложить минимальные усилия для предотвращения больших и опасных проблем. Здесь также присутствует наивная вера в то, что простое наличие маски (в кармане, портфеле, на шее) является достаточной мерой предосторожности.

Анализ полученных ответов позволил выдвинуть гипотезу о том, что одним из факторов такого безответственного отношения к своему здоровью и здоровью окружающих может выступать черта российского менталитета, которая обозначается как «русский авось».

В целях проверки данной гипотезы были приняты шаги по конкретизации содержания термина «русский авось».

В толковом словаре Д.Н. Ушакова⁵ отмечается, что «авось» — это вводное слово, которое идентично термину «может быть», то есть выражению недостаточно обоснованной надежды. Делать что-нибудь на авось — значит делать это без достаточной основательности, с расчетом на случайную удачу.

Для конкретизации содержания «авось» мы обратились через социальную сеть «ВКонтакте» к психологам 5 сетевых сообществ с просьбой высказать свои ассоциации с термином «авось». Ответили 29 человек, предложивших 101 ассоциацию. Ликвидация повторов позволила оставить в списке следующие ассоциации: «меня это не коснется», необдуманность, невзвешенное решение, беспечность, неосмотрительность, недостаток информации, интуиция, неизвестность, «очень хочется, но колется», «ай, да ладно!», безответственность, везуха, удача, авантюризм, риск, «я не уверен, но вдруг получится», «бог не выдаст, свинья не съест», на удачу, на шару, «а вдруг?..», «эх, была не была», надежда на успех, расчет на случайную удачу, необоснованная надежда, неожиданное везение, случайность, «пронесет!», «наплевать!», «обойдется!», «прорвемся!», «повезет!», «да я знаю, как по правилам, но так проще», «проскачу!», набум, пустить все на самотек, спонтанность, само собой разрешится, вероятность «волшебного» разрешения проблемной ситуации, «сначала надо ввязаться в драку, а там посмотрим», идти в темноте, привычка «наступать на грабли», шаткость в выполнении действия, как-нибудь, наугад, набум, халява, сделать тяп-ляп, будь что будет, безалаберность.

Анализ, обобщение и систематизация перечисленных ассоциаций также позволили нам сформулировать определение феномена «русский авось» как психологического образования (констелляции), выражающегося в недооценке человеком степени важности и опасности ситуации, слабом эмоциональном отклике на неявную опасность, в принятии решений на основе необоснованных предположений и осуществлении действий без учета возможных последствий.

⁵ Ушаков Д.Н. Толковый словарь : в 4 т. Т. 1. М. : Советская энциклопедия, 1935. С. 8.

Выделенные выше ассоциации-показатели были объединены в 4 группы явлений, составляющих компоненты психологического образования (констелляции) «русский авось», и позволили сформулировать функциональную определенность каждого его компонента. Затем мы соотнесли их с соответствующими компонентами поведенческой иммунной системы (см. таблицу).

Таблица

Соотношение содержания поведенческой иммунной системы и психологической констелляции «русский авось»

№ п/п	Компоненты	Функциональная определенность компонентов	
		Поведенческий иммунитет	«Русский авось»
1	Когнитивный	Восприятие патогенов как опасных	Беспечность, неосмотрительность, необдуманность
2	Аффективный	Эмоции безразличия, отвращения, страха	Безразличие, беззаботность
3	Мотивационный	Стремление не допустить контакта с патогенами	Авантюризм, безответственность, спонтанность
4	Поведенческий	Принятие мер защиты от патогенов	Действия наугад, наудачу

Из таблицы видно, что функциональная определенность поведенческой иммунной системы и психологическая констелляция «русский авось» являются антагонистами и обуславливают противоположные поведенческие векторы.

Для определения природы «русского авось» требуются специальные исследования. Безусловно, некоторые его корни лежат в области русской национальной культуры, в которой иногда проявляется благосклонное отношение к героям беспечным, беззаботным, с авантюристическим складом характера, с импульсивным поведением и т.д. По-видимому, это явление также коренится в традиционной нашей национальной черте провозглашать и не воплощать в жизнь полезные рекомендации и требования, что формирует «выученный пофигизм». Так, например, за время поездки в метро каждый пассажир многократно слышит объявление диктора: «Проезд в метро и МЦД возможен только при наличии масок и перчаток». Однако в реальности он видит, что почти 100% пассажиров не имеют перчаток, а значительная часть — масок. Так у людей формируется необязательность исполнения этих требований. Также немаловажную роль в формировании рассматриваемого явления может играть неэффективность официальной информации о коронавирусе и подверженность людей деструктивной пропаганде (инфодемии). Также лю-

дей расхолаживает то, что отдельные мероприятия (например, день бега с большой скученностью людей и их высокой респираторной активностью) проводятся без перчаток и масок, а для нахождения в более безопасных ситуациях они требуются.

В связи со сказанным необходимо ярко и образно разъяснить реальную опасность, исходящую от пандемии коронавируса, формулировать и обнародовать только те рекомендации, которые будут неуклонно проводиться в жизнь, исключить непоследовательность и политику «двойных стандартов» в проведении запретительно-предупре-

тельных мероприятий, когда одни мероприятия допустимы, а другие — нет.

Таким образом, на уровне проведенного исследования можно констатировать, что психологическая констелляция «русский авось» и поведенческая иммунная система являются антагонистами. «Русский авось» препятствует поведенческой иммунной системе активно противостоять патогенам и, в частности, коронавирусу SARS-CoV-2. В дальнейших исследованиях необходимо более глубоко разобраться в природе психологического образования «русский авось» и определить меры по управлению им.

Литература

1. Белых-Силаев Д.В. Психологические проблемы, связанные с коронавирусной инфекцией / Д.В. Белых-Силаев // Юридическая психология. 2020. № 2. С. 3–8.
2. Караяни А.Г. Инфодемия: атрибут или артефакт пандемии / А.Г. Караяни, Ю.М. Караяни // Юридическая психология. 2020. № 3. С. 3–7.
3. Ростовская Т.К. Ценности российской и китайской семьи в условиях режима самоизоляции / Т.К. Ростовская, И.А. Шаповалова, Е.А. Князькова // Человеческий капитал. 2020. № 8 (140). С. 94–103.
4. Толковый словарь русского языка. В 4 томах. Т. 1. А — Кюрины / составители : Г.О. Винокур [и др.] ; под редакцией Д.Н. Ушакова. Москва : Советская энциклопедия, 1935. 1562 стб.
5. Curtis V. Disgust as an adaptive system for disease avoidance behavior / V. Curtis, M. Barra de, R. Aunger // Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2011. Vol. 366. Iss. 1563. P. 389–401.
6. Schaller M. Parasites, behavioral defenses, and the social psychological mechanisms through which cultures are evoked / M. Schaller // Psychological Inquiry. 2006. Vol. 17. P. 96–101.
7. Schaller M. The behavioral immune system: Its evolution and social psychological implications / M. Schaller, L.A. Duncan // Evolution and the social mind: Evolutionary psychology and social cognition / ed. by J.P. Forgas, M.G. Haselton, W. von Hippel. New York : Psychology Press, 2007. P. 293–307.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист»» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

МАНСУРОВА ЗИЛЯ РАХИМЛАНОВНА,
старший преподаватель кафедры педагогики и психологии
в деятельности органов внутренних дел
Уфимского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат медицинских наук
mansurovazr@mail.ru

АСМАНДИЯРОВА НАИЛЯ РИМОВНА,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
nailya-72@mail.ru

В данной статье проведен криминологический анализ ситуации, связанной со взяточничеством в России. Авторами предпринята попытка оценить уровень терпимости к коррупционному поведению среди населения. Сформулировано авторское определение антикоррупционного поведения. Предложен ряд мер, направленных на формирование устойчивого антикоррупционного поведения.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, антикоррупционное поведение, предупреждение.

CRIMINOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PREVENTION OF CORRUPTION-RELATED CRIME

MANSUROVA ZILYA R.
Senior Lecturer of the Department of Pedagogics and Psychology in Activities
of Internal Affairs Agencies of the Ufa Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
PhD in Medicine

ASMANDIYAROVA NAILYA R.
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

In this article, a crime-psychological analysis of the situation related to bribery in Russia was carried out. The authors attempt to assess the level of tolerance for corrupt behavior among the population. The author's definition of anti-corruption behavior is formulated. A number of measures aimed at developing sustainable anti-corruption behavior are proposed.

Keywords: corruption, bribery, anti-corruption behavior, warning.

Коррупция как негативное социальное явление сопровождает человеческое общество на протяжении всей истории его развития. Острота и сложность проблемы борьбы с коррупцией связана, наряду с другими аспектами, с тем, что тесно переплетена со служебными и должностными преступлениями.

Актуальность исследуемой темы также обусловлена масштабностью распространения этого явления во всех ветвях и на всех уровнях государственной власти. В рамках данной работы мы обращаем особое внимание на терпимое отношение к коррупционным проявлениям среди населения.

Российские ученые внесли фундаментальный вклад в научно-практическую разработку основ противодействия коррупции. Исследуемой проблематикой занимались такие ученые, как: Ю.М. Антонян, Б.В. Волженкин, С.И. Герасимов, Н.Ф. Кузнецова, В.А. Новоконов, Л.Д. Гаухман, А.Л. Репецкая, А.С. Емельянов, А.А. Аслаханов, В.И. Попов, В.Г. Гриб, В.С. Устинов, С.Е. Вицин, А.М. Яковлев, И.И. Карпец, С.В. Дьяков, А.Н. Волобуев, А.И. Гуров, В.С. Овчинский, С.В. Бородин, А.И. Долгова, В.Н. Кудрявцев и др.

Для осуществления профилактики коррупционного поведения посредством формирования

в обществе нетерпимого отношения к его проявлениям существует постоянная необходимость в анализе складывающейся ситуации, связанной с коррупцией, в стране (и в ее регионах) и в комплексном обосновании приоритетности антикоррупционного поведения как обязательного условия развития общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности человека.

Обратимся к официальной статистике, представляющей нам данные, позволяющие оценить ситуацию, связанную с преступным коррупционным поведением, являющимся самым опасным видом коррупционного поведения (см. таблицу, рисунок 1)¹.

Таблица

Противодействие коррупции

Статистические данные по противодействию коррупции	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год
Выявлено фактов взяточничества (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 Уголовного кодекса РФ)	12 355	13 938	14 548	12 111	12 527	13 867
Количество выявленных лиц, совершивших преступления	7 942	8 577	8 525	7 845	8 135	8 527
Количество преступлений, дела по которым направлены в суд	10 770	11 000	8 906	8 762	8 937	8 596

Рис. 1. Противодействие коррупции в Российской Федерации с 2014 по 2019 г.

На основании вышеприведенных показателей преступного коррупционного поведения можно сделать следующие предварительные выводы:

— с 2014 по 2016 г. в России наблюдается рост выявленных фактов взяточничества с 12 355 до 14 548 преступлений, в течение 2017 г. отмечается уменьшение данного показателя до 12 111 преступлений, с 2018 по 2019 г. — увеличение с 12 527 до 13 867 фактов. Динамика выявленных преступлений, связанных со взяточничеством, имеет волнообразный характер. Средний ежегодный показатель фактов взяточничества в России составляет около 13 000 преступлений, а это примерно 0,7% из общего числа ежегодно регистрируемых преступлений в России;

— с 2014 по 2015 год отмечается рост количества выявленных лиц, совершивших взяточничество в России, — с 7 942 до 8 577 человек, с 2016 по 2017 г. отмечается уменьшение данного показателя до 7 845 человек, с 2018 по 2019 г. — увеличение с 8 135 до 8 527 лиц. Динамика выявленных лиц, совершивших взяточничество, имеет волнообразный характер. Среднее число ежегодно выявляемых лиц, совершивших взяточничество в России, составляет около 8 000 человек, т.е. около 0,8% из общего числа ежегодно выявляемых лиц, совершивших преступление в России;

— в России ежегодно направляются в суд дела примерно по 8 600 преступлениям, связанным со взяточничеством, что составляет около 74% от общего числа выявленных фактов взяточничества.

Несмотря на небольшой удельный вес выявленных фактов взяточничества (0,7%), необходимо подчеркнуть, что коррупция характеризуется высокой степенью общественной опасности, разрушает государственную власть изнутри, компрометируя тем самым государственный аппарат, оказывает отрицательное влияние на эффективность управления государством.

Рассматриваемое явление также отличается высоким уровнем латентности и благоприятным для распространения условием, выраженным, к сожалению, в устоявшемся в российском обществе относительно терпимом отношении к этому явлению.

Об этом свидетельствуют результаты ежегодного анонимного опроса, который проводился авторами работы в течение четырех лет среди местных жителей. Опросу подвергались лица мужского и женского пола в возрасте от 21 до 40 лет, имеющие среднее специальное и (или) неполное высшее образование.

Все опрошенные заявили об отрицательном отношении к коррупции как к негативно социальному явлению.

Однако выявилось, что около 60% из опрошенных готовы оправдать коррупционное поведение в случаях:

1) получения лучшего ухода и большего внимания по отношению к себе или своему близкому в медицинском учреждении;

¹ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 08.08.2020).

2) более внимательного и снисходительного отношения учителя к ребенку.

Таким образом, авторы приходят к заключению, что уровень терпимости к коррупционному поведению среди опрошенной части населения неоднозначный. И, соответственно, одной из мер, противодействующей формированию коррупционного поведения и устойчивого терпимого отношения к проявлениям коррупции, является целенаправленная профилактическая работа с лицами, склонными к коррупционному поведению и оправдывающими такое поведение. Данные лица отличаются относительно стойким терпимым отношением к возможности оказаться в ситуации, допускающей вариант коррупционного поведения, например, при даче взятки или получении взятки.

Выявленное обстоятельство определяет необходимость проведения исследований нравственно-этического восприятия коррупции населением с целью его перспективного изменения.

Обращаясь к характеристике взяткополучателя, его можно представить как лицо, имеющее чаще всего высшее образование, среднего возраста — 30–32 года, положительно характеризующееся в профессиональной сфере, не злоупотребляющее спиртными напитками, не принимающее наркотические средства, не склонное к нарушению общественного порядка.

Наиболее востребованными сферами для проявления коррупционного поведения, как показывает статистика, представители из которых чаще всего выступают фигурантами уголовных дел, являются правоохранительные органы, государственные и муниципальные учреждения, органы местного самоуправления, военнослужащие, работники образования и науки, работники здравоохранения (см. рис. 2)².

Рис. 2. «Коррупционные профессии»

Обращаясь к определению антикоррупционного поведения, из научной литературы известно, что это поведение людей (должностных лиц, граждан и юридических лиц), препятствующее форми-

рованию коррупционных фактов и коррупционной деятельности.

Считаем целесообразным также использовать определение антикоррупционного поведения, данное авторами работы. А именно под антикоррупционным поведением понимается личностно-микросредовая, нормативная, общественно полезная деятельность множества лиц, направленная на воспрепятствование коррупционным проявлениям в макросреде.

Личностно-микросредовой компонент формируется на основании генетической наследственности, темперамента, характера, семейного воспитания, менталитета, сложившегося в его ближайшем окружении.

Нормативная деятельность свидетельствует о следовании человеком в своей личной, служебной деятельности требованиям морали, нравственности, нормативным правовым актам, принятым в обществе, то есть характеризуется законностью.

Общественно полезная деятельность лица определяется посредством исполнения им разных социальных ролей. Будучи должностным лицом, он также выполняет обязанности члена семьи, родителя, коллеги, человека и гражданина своей страны. При этом должна проследиваться созидательная направленность этой деятельности.

Требующим решения остается вопрос определения критериев антикоррупционного поведения и методов их оценки, что будет направлено на повышение уровня антикоррупционной культуры гражданского общества. Как один из вариантов, предлагаем использовать в качестве критериев оценки антикоррупционного поведения показатели компонентов, входящих в содержание понятия «антикоррупционное поведение», данное авторами, а именно характеристики личностно-микросредового компонента, нормативной и общественно полезной деятельности человека.

Нуждается в развитии и совершенствовании антикоррупционное правосознание в обществе с целью недопущения его деформации. Этому будут способствовать нравственные требования к антикоррупционному поведению. К ним относятся:

- во-первых, соблюдение морально-этических принципов;
- во-вторых, добросовестное и беспристрастное исполнение должностными лицами своих служебных обязанностей;
- в-третьих, запрет на использование в личных целях служебных полномочий и положения, а также неразглашение конфиденциальной информации, полученной в ходе исполнения своих служебных обязанностей;
- в-четвертых, создание в коллективе, в своем окружении атмосферы нетерпимости к коррупционному поведению других сотрудников.

Сформированное в России антикоррупционное законодательство направлено на комплексное решение вопросов противодействия коррупции.

² Агентство «РИА Новости». Интервью А.И. Бастрыкина. URL: <https://ria.ru/20181222/1510451728.html> (дата обращения: 15.07.2020).

Оно основано на принципах признания, обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина; законности; публичности и открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений; комплексности использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер; приоритетности применения мер по предупреждению коррупции; сотрудничества государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

Предупреждение коррупции и формирование антикоррупционного поведения — это сложный и длительный процесс, включающий в себя комплекс

мер, таких как общесоциальные, специально-криминологические, психолого-педагогические.

В настоящей работе мы постарались затронуть некоторые криминологические и психологические аспекты, направленные на формирование антикоррупционного поведения. Это коснулось оценки ситуации, связанной с взяточничеством, и определения относительно терпимого отношения к нему населения; а также предложения приемлемости определения антикоррупционного поведения, сформулированного авторами с целью обращения к составляющим его компонентам для возможного использования их в качестве критериев оценки антикоррупционного поведения. Вместе с тем представлен ряд мер в виде нравственных требований, направленных на формирование в обществе устойчивого антикоррупционного поведения.

Литература

1. Чернышева Е.В. Психология коррупционного поведения / Е.В. Чернышева. Екатеринбург : УрЮИ, 2018. 159 с.

Уважаемые авторы!

Приглашаем вас к сотрудничеству с журналом «Юридическая психология»!

В журнале публикуются материалы по следующим темам:

- правовая психология и криминальная психология;
- психология следователей, адвокатов;
- психологические аспекты правовой социализации;
- психология личной безопасности человека;
- личность в системе управления, психологические службы в правоохранительных органах;
- психологическая технология в правоохранительной деятельности, психотехника в работе юриста;
- экстремально-юридическая психология.

С требованиями к оформлению статей рекомендуем ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист»: www.lawinfo.ru

По возникающим вопросам можно обращаться по электронной почте: avtor@lawinfo.ru или телефону: 8 (495) 953-91-08.

ОЦЕНКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

ЗУЕВА ЕВГЕНИЯ ГЕННАДЬЕВНА,
доцент кафедры юридической психологии
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доцент кафедры юридической психологии,
кандидат психологических наук
014130@mail.ru

СЕМАКОВА АНАСТАСИЯ ИГОРЕВНА,
доцент кафедры юридической психологии
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доцент кафедры юридической психологии,
кандидат психологических наук
014130@mail.ru

Статья посвящена оценке психологических ресурсов обучающихся образовательных организаций МВД России выпускного курса обучения. Приводится теоретический анализ проблемы исследования профессионально-психологического развития личности сотрудника полиции, однако при этом отмечается, что оценке психологических ресурсов на завершающем этапе обучения уделяется недостаточное внимание. Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского университета МВД России. В исследовании приняли участие 118 слушателей 5-го курса. Представлены результаты исследования психологических ресурсов обучающихся, в структуру которых входят коммуникативные качества, интеллектуальные свойства, эмоциональные свойства, регуляторные свойства. По результатам факторного анализа психологических ресурсов обучающихся выделено 5 факторов, соответственно: «псевдоидентичность», повышенная мотивационная активность, независимость, особенности эмоциональных реакций, высокий уровень притязаний, характеризующие уровень развития психологических ресурсов на завершающем этапе обучения. На основании результатов исследования сформулированы выводы и практические рекомендации по развитию психологических ресурсов слушателей образовательных организаций МВД России.

Ключевые слова: психологические ресурсы, слушатели, образовательные организации МВД России, профессиональная идентичность, самооценка.

EVALUATION OF PSYCHOLOGICAL RESOURCES OF STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA ON THE FINAL TRAINING STAGE

ZUEVA EVGENIA G.
Senior Lecturer of the Department of Legal Psychology
of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Senior Lecturer of the Department of Legal Psychology
PhD in Psychology

SEMAKOVA ANASTASIA I.
Senior Lecturer of the Department of Legal Psychology
of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Senior Lecturer of the Department of Legal Psychology
PhD in Psychology

The article is devoted to the assessment of psychological resources of students of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia in the final course of training. A theoretical analysis of the problem of professional and psychological development of a police officer is given, but it is noted that insufficient attention is paid to the assessment of psychological resources at the final stage of training. The study was conducted at the Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 118 students of the 5th year took part in the study. The results of the study of psychological resources of students, whose structure includes communicative qualities, intellectual properties, emotional properties, regulatory properties, are presented. According to the results of factor analysis of psychological resources of

students, 5 factors are identified, respectively: 'pseudo-identity', increased motivational activity, independence, features of emotional reactions, a high level of claims that characterize the level of development of psychological resources at the final stage of training. Based on the results of the study, conclusions and practical recommendations for the development of psychological resources of students of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia are formulated.

Keywords: psychological resources, students, educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia, professional identity, self-esteem.

Теоретические предпосылки. Современные исследователи рассматривают различные аспекты профессионально-психологического становления и развития личности сотрудника полиции: структуру адаптационного потенциала (О.А. Жидкова, 2017; Ю.В. Семерикова, 2019, и др.); успешность профессионально-психологической адаптации (Ю.П. Балакин, 2017; М.Г. Рябова, 2017; Н.В. Гончарова, 2020, и др.), психологические аспекты совершенствования профессиональной деятельности (В.В. Вахнина, 2017; Ю.В. Варданян, 2018; В.А. Зубов, 2019 и др.).

О.А. Жидкова (2017) подчеркивает необходимость развития эмоционально-волевой регуляции, которая, находясь в основе адаптационного потенциала личности сотрудника полиции, «обеспечивает осуществление целенаправленного самоуправления, а также изменение собственного поведения в соответствии с требованиями и условиями профессиональной деятельности»¹. Само понятие адаптационного потенциала характеризует уровень личностной зрелости при преодолении различных психологических кризисов². При этом вне кризисного развития личности применяется понятие психологических ресурсов³.

Зарубежными психологами психологические ресурсы личности изучаются в аспекте психологического здоровья (R.S. Eliot, R. Lazarus, S. Folkman и др.), и их измерение является инструментом оценки качества и удовлетворенности жизнью. С.А. Дружилов (2014) указывает на существование «совокупности потенциальных свойств личности, обеспечивающей успешное освоение профессии, эффективную профессиональную деятельность и развитие личности»⁴. С.С. Франчук, С.Н. Гаврюченко (2015) уверены, что развитие личности профессионала обеспечивается достаточной «выраженностью компонентов и жизнестойкости как системы убеждений о себе, о мире, об отношении

с миром в целом»⁵. Проблема психологических ресурсов личности сотрудника полиции и военнослужащих поднята в исследованиях К.В. Злоказова, 2014; В.Л. Цветкова, А.Г. Караяня, 2016; П.А. Корчемного, 2017; Бельх-Силаева Д.В., 2018, и др.⁶.

К.В. Злоказов, А.Э. Власов (2019) подчеркивают, что изучение личностных особенностей сотрудников наиболее полно организуется на этапе профессионально-психологического отбора, где исследуется во взаимосвязи с факторами риска в целях предупреждения деструктивного поведения⁷. Однако, на наш взгляд, подобное обследование должно проводиться ежегодно в период обучения в образовательной организации с целью своевременной коррекции личностных особенностей на этапе профессионального становления, что обеспечит подготовку квалифицированных специалистов для правоохранительных органов. Наиболее полно профиль личности сотрудника полиции представлен в исследовании В.Л. Цветкова, Т.А. Хрусталева, А.А. Рожкова, Н.Н. Красноштановой, которые указывают, что оценка соответствия обучающегося данному предложенному профессиональному стандарту должна стать одной из задач, выполняемых в процессе профессиональной подготовки⁸.

Таким образом, в результате теоретического анализа установлено, что в современных исследованиях подняты различные проблемы профессионально-психологического развития личности сотрудника полиции, однако этап первичной про-

¹ Жидкова О.А. Эмоционально-волевая саморегуляция как основа адаптационного потенциала сотрудников полиции / О.А. Жидкова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 202–206.

² Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова / под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 56–65.

³ Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. Томск, 2008. 394 с.

⁴ Дружилов С.А. Концептуальные основы психологического изучения становления профессионализма как реализации ресурсов профессионального развития человека / С.А. Дружилов // Психология, социология и педагогика. 2014. № 4. URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/04/3025> (дата обращения: 11.09.2020).

⁵ Франчук С.С., Гаврюченко С.Н. Качества личности, обуславливающие жизнестойкость сотрудников полиции / С.С. Франчук С.Н. Гаврюченко // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2015. № 2. С. 106–111.

⁶ Бельх-Силаев Д.В., Сапьяник Е.Н. Концепция организации психологической службы в воинской части с позиции стратегии творчества Уолта Диснея // Юридическая психология. 2018. № 2. С. 38–40; Бельх-Силаев Д.В. Проблемы диагностики девиантного поведения в практике войскового психолога // Юридическая психология. 2019. № 1. С. 22–28; Бельх-Силаев Д.В. Типология личности военнослужащего в зависимости от ведущей акцентуации характера // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 30–38.

⁷ Злоказов К.В., Власов А.Э. Специфика личностных свойств кандидатов, не рекомендованных к службе в органах внутренних дел / К.В. Злоказов, А.Э. Власов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81). С. 228–234.

⁸ Цветков В.Л., Хрусталева Т.А., Рожков А.А., Красноштанова Н.Н. Профессиографическое исследование: использование современных научных подходов в интересах совершенствования подготовки специалистов для органов внутренних дел Российской Федерации / В.Л. Цветков, Т.А. Хрусталева, А.А. Рожков, Н.Н. Красноштанова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (72). С. 226–232.

фессионализации и профессионального становления исследуется преимущественно в адаптационном аспекте, а вопросу оценки психологических ресурсов слушателей на заключительном этапе профессионального обучения уделено недостаточное внимание, что не позволяет прогнозировать успешность профессиональной деятельности сотрудников полиции после окончания обучения.

Наше внимание направлено на исследование внутренних психологических ресурсов, под которыми понимаются определенные способности, знания и навыки сотрудника полиции, позволяющие ему эффективно справляться с требованиями среды, что нацеливает на умение видеть ситуацию, прогнозировать свое поведение и поведение других, нести ответственность за свое поведение, адекватность самооценки.

Материалы и методы исследования. Эмпирическое исследование проводилось в Санкт-Петербургском университете МВД России, в исследовании принимали участие слушатели 5 курса обучения ($n=118$). Целью исследования являлась оценка психологических ресурсов обучающихся на этапе завершения обучения в образовательной организации системы МВД России. В эмпирическом исследовании применялся следующий инструментарий: многофакторный личностный опросник 16-PF Р. Кеттелла (форма С), методика SACS С. Хобфолла, методика «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, опросник «Определение уровня самооценки» С.В. Ковалева, методика «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир в модификации А. Реана), методика «Диагностика эмоционального выгорания личности» В.В. Бойко, методика изучения профессиональной идентичности (МИПИ) Л.Б. Шнейдер. Статистическая обработка материалов исследования выполнена с помощью стандартных статистических процедур. Использовались специализированные пакеты прикладных программ «Excel 2013» и «IBM SPSS Statistics 22.0», обеспечивающие вычисление одномерных статистик, факторный анализ данных исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Коммуникативные качества слушателей 5-х курсов. Слушатели 5-го курса характеризуются средними affiliативными потребностями, с готовностью идут на контакт, однако не проявляют высокой активности в инициации межличностного взаимодействия. Инициаторами общения становятся в случае, когда непосредственно затрагиваются их интересы, или в случаях, когда без вступления в контакт затруднительно решить тот или иной вопрос или затруднение. Для них характерны избирательность в общении, неширокий круг контактов. Необходимость публичных выступлений или взаимодействия с авторитетными людьми стрессогенно и требует преодоления напряжения ($6,12 \pm 2,28$; $6,17 \pm 2,13$).

Слушатели 5-го курса обладают достаточными способностями построения точного образа дру-

го человека, способны к рефлексии и точной оценке мотивов его поведения. Несмотря на это, выявленные способности не всегда используются в процессе межличностного взаимодействия для достижения целей общения. Доброжелательны при стремлении к закрытости информации о себе. Доверительные отношения устанавливаются с теми, кто близок по интересам, с кем поддерживают давние отношения. Конфликтность на среднем уровне, не злопамятны ($6,15 \pm 2,23$; $5,15 \pm 2,09$).

Выявлен умеренно выраженный лидерский потенциал, при этом слушатели не стремятся навязывать собственную точку зрения собеседнику, оппоненту, группе. Лидерские функции проявляются преимущественно в привычных ситуациях, развитие которых можно предвидеть, а появление трудностей можно предотвратить. Лидерская активность возможна также и тогда, когда ситуация глубоко затрагивает личные интересы. Мнение группы ценно, собственное мнение способны изменять под влиянием авторитетного лица или группы. При этом личностно значимые решения предпочитают принимать все же самостоятельно ($6,37 \pm 2,06$; $4,66 \pm 1,94$).

Интеллектуальные свойства слушателей 5-го курса. Слушатели обладают достаточно развитыми интеллектуальными способностями, успешны в решении практических задач и несложных ответственных проблем. Продуцировать креативные идеи для них не характерно, однако детально проработать предложенные другими идеи способны с большой вероятностью успеха ($6,54 \pm 1,87$; $4,41 \pm 2,53$).

Слушатели склонны быстро ориентироваться в проблемных ситуациях, но не во всех случаях испытывают легкость в просчете вариантов их разрешения. В связи с этим выбранное решение не всегда бывает оптимальным. Новые идеи и способы решений используют взвешенно, лишь после всесторонней оценки и оценки последствий ($5,15 \pm 2,09$; $5,12 \pm 2,63$).

Эмоциональные свойства слушателей 5-го курса. Слушателям характерно в привычной для себя ситуации сохранять эмоциональное равновесие. В ситуации дезадаптации формируется чувство тревоги, беспомощности, которые достаточно оперативно нивелируются волевыми свойствами, а также за счет высокой самооценки. Сильные эмоциональные реакции, формирование негативных эмоциональных состояний возможны в тех ситуациях, которые глубоко затрагивают актуальные потребности.

Слушатели оптимистичны, стремятся находить позитивное в жизни. При этом полностью отключиться от неприятностей, от повседневных проблем не удастся. Уверены в успехе лишь в привычных ситуациях, при возможности использовать проверенные паттерны поведения. Новые ситуации могут расцениваться как затруднительные, требующие риска. Рискуют, тщательно продумав возможные варианты развития событий: риско-

ванные ситуации привлекают тогда, когда риск оправдан и успех реально достижим ($4,90 \pm 2,07$; $6,17 \pm 2,13$).

Критично воспринимают окружающую реальность. Не склонны тревожиться по поводу прошлого, настоящего и будущего. Слушателям характерна высокая самооценка, уверенность в себе, удовлетворенность своими достижениями, что способствует преодолению проблем и жизненных трудностей. Терпимо относятся к критическим замечаниям в свой адрес. В конфликтных ситуациях характерна внешне обвиняющая позиция ($5,24 \pm 2,46$; $3,80 \pm 2,12$).

Регуляторные свойства слушателей выпускных курсов. Слушатели организованны и настойчивы прежде всего в ситуациях, в которых они хорошо адаптированы. В случае неожиданного появления дополнительной нагрузки поведение может стать дезорганизованным, в значительной степени осложняя адаптацию. Избирательно относятся к общегрупповым нормам и требованиям. Совежливы, характеризуются высокой ответственностью в личностно значимых ситуациях. При этом выявляются тенденции к формальному выполнению обязанностей тогда, когда ситуация не затрагивает личных интересов ($7,46 \pm 1,75$; $5,85 \pm 2,13$).

У слушателей 5-го курса диагностирован низкий уровень негативной агрессивности ($3,57 \pm 1,62$) и конфликтности ($17,61 \pm 4,38$). Известно, что личностная агрессивность может иметь и позитивный оттенок, проявляясь в поведении как настойчивость, напористость и неуступчивость. Эти качества позволяют добиваться поставленных целей, отстаивать свою точку зрения в споре, способствуя личностному росту при достаточном волевом контроле поведения, препятствующем переходу позитивных агрессивных свойств в деструктивные. Полученные данные свидетельствуют о низком уровне позитивной агрессивности ($5,61 \pm 3,63$).

Ведущей психологической защитой слушателей является отрицание ($77 \pm 21,77$). Отрицание проявляется тенденциями игнорировать или трансформировать события, которые могут снизить их эмоциональное состояние, вызывают необходимость активных действий. Для них характерна склонность к обесцениванию событий, обстоятельств, затруднений. Преимущественного использования той или иной копинг-стратегии не выявлено. Слушатели используют широкий спектр копингов: про-социальные поиск и вступление в социальный контакт ($23,83 \pm 4,27$; $23,44 \pm 2,97$). Пассивные осторожные действия ($21,39 \pm 3,99$) и избегание ($15,47 \pm 3,46$) выражены на среднем уровне, как и импульсивные ($17,80 \pm 3,19$), манипулятивные ($18,76 \pm 4,40$), асоциальные ($17,24 \pm 5,17$) и агрессивные действия ($15,42 \pm 5,75$), направленные на совладание с трудными ситуациями.

Данные исследования самооценки слушателей выпускных курсов свидетельствуют в пользу ее высокого уровня ($40,08 \pm 12,43$), что свидетельствует в

пользу позитивной оценки обучающимися своих индивидуально-психологических особенностей, их проявления в поведении и межличностном взаимодействии, своего потенциала, в том числе и профессиональных перспектив.

Изучение профессиональной идентичности слушателей 5-го курса показало интересные результаты. Согласно полученным данным, большинство обследованных слушателей склонны к переоценке своего профессионального уровня ($0,72 \pm 0,09$). На наш взгляд, псевдовысокий уровень профессиональной идентичности можно трактовать как гиперидентичность вследствие тотального поглощения статусом и ролью практического работника, непосредственным выполнением служебных обязанностей в рамках профессиональной деятельности, сотрудниками, с которыми производилась практическая деятельность, в сочетании с переоценкой собственных качеств и недостатком в объективных оценках от ближайшего окружения, со стремлением достичь цели любыми средствами. Оценка себя как высококвалифицированного профессионала слушателями выпускного курса, на наш взгляд, несколько преждевременна. В сочетании с высокой самооценкой подобная самоуверенность способна привести к снижению эффективности профессиональной деятельности.

Мотивация профессиональной деятельности слушателей 5-го курса представлена формулой:

$$BM (4,29 \pm 0,79) > ВПМ (3,81 \pm 0,58) > BOM (3,34 \pm 0,85),$$

где BM — внутренняя мотивация, ВПМ — внешняя положительная мотивация, BOM — внутренняя отрицательная мотивация.

По всей видимости, осознание значимости правоохранительной деятельности в обеспечении правопорядка, охране жизни, здоровья и собственности граждан, своего потенциального вклада в обеспечение высокой ее эффективности являются наиболее значимыми мотиваторами в системе профессиональной мотивации будущих выпускников. Для них также значимо и внешнее стимулирование: престиж профессии, признание заслуг, материальное вознаграждение. Последней в структуре профессиональной мотивации стоит внешняя отрицательная мотивация, которая в поведении выражается в избегании неудач и критики со стороны значимого окружения для них (руководство, коллеги и др. лица).

Оценка степени выраженности симптомов и фаз синдрома эмоционального выгорания у слушателей 5-го курса позволяет говорить об отсутствии негативных эмоциональных состояний, обусловленных профессиональной деятельностью, у обследованных лиц. Сформированных симптомов не выявлено, на стадии формирования находится симптом «Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» ($13,52 \pm 7,37$) и «Эмоциональная отстраненность» ($12,52 \pm 5,85$).

Для выявления факторной структуры индивидуально-психологических особенностей основных показателей обучающихся 5-го курса СПб университета МВД России, а также с целью оценки их психологических ресурсов проведена процедура факторного анализа. Исходные данные обрабатывались с помощью «IBM SPSS Statistics 22.0», использован факторный анализ (метод главных компонент, с целью упрощения описания столбцов факторной матрицы применялся «Варимакс» (вращение)). В результате выделено 5 основных факторов, суммарная дисперсия которых покрывает 86,71% выборки. Ниже приведено описание каждого фактора, исходя из результатов, полученных по входящим в них показателям (см. таблицу).

Таблица

Факторная структура психологических ресурсов обучающихся 5-го курса образовательных организаций МВД России

№ п/п	Факторы	% общей дисперсии
1	«Псевдоидентичность»	28,97
2	Повышенная мотивационная активность	22,88
3	Независимость	21,26
4	Особенности эмоциональных реакций	8,57
5	Высокий уровень притязаний	5,03
Процент общей дисперсии		86,71

Первый фактор включает в себя следующие показатели: регрессия (0,870), самооценка (0,785), ассертивные действия (-0,658), Q3 (низкий самоконтроль — высокий самоконтроль) (-0,658), профессиональная идентичность (-0,620), самооценка (0,785), Q1 (консерватизм — радикализм), Q4 (расслабленность — напряженность) (-0,475), O (спокойствие — тревожность) (0,449), избегание (0,433). Данный фактор указывает на высокую самооценку, неуверенное поведение, проявляющееся в неумении постоять за себя в сложных ситуациях, использование упрощенных поведенческих стереотипов в сложных ситуациях, низкий уровень профессиональной идентичности (определенности в профессии), высокую самооценку, низкую напряженность, самодовольство, впечатлительность, избегание контактов. Фактор, включающий в себя вышеперечисленные показатели, можно определить понятием «Псевдоидентичность» — как стабильное отрицание своей уникальности с переходом в стереотипию, низким уровнем рефлексии при высокоположительном оценивании собственных качеств. На фактор «Псевдоидентичность» в большей степени указывает низкий уровень профессиональной идентичности в сочетании с высокой самооценкой.

Второй фактор, который мы назвали «Повышенная мотивационная активность», содер-

жит показатели, отражающие высокий уровень мотивации в сочетании с повышенной активностью. В состав фактора входят следующие показатели: внешняя позитивная мотивация (0,689), А («замкнутость — общительность») (0,650), реактивное образование (0,644), G (низкая нормативность поведения — высокая нормативность поведения) (0,641), компенсация (0,594), С (эмоциональная нестабильность — эмоциональная стабильность) (0,519), F (сдержанность — экспрессивность) (0,517), внутренняя мотивация (0,454), Н (робость — смелость) (0,436) с положительной факторной нагрузкой, что свидетельствует о высокой положительной мотивации обучающихся, их волевых качествах, эмоциональной устойчивости, высокой активности, энергичности, склонности к риску слушателей выпускного курса обучения.

Третий фактор определен нами как «Независимость». Включает показатели: замещение (0,886), поиск социальной поддержки (-0,604), N (прямолинейность — дипломатичность) (0,569), агрессивные действия (0,552), вступление в контакт (-0,504), Q2 (0,447), асоциальные действия (0,435). В соответствии с данными показателями, слушатели 5-го курса обучения демонстрируют независимость и некоторую отстраненность от контактов с окружающими, склонны применять такие стратегии поведения в стрессовой ситуации, как агрессивные и асоциальные действия, вымещающие при этом указанные действия на объекты, представляющие меньшую опасность.

Четвертый фактор «Особенности эмоциональных реакций» отражает особенности эмоционального реагирования, а также проявление чувствительности, включает в себя показатели: отрицание (0,871), импульсивные действия (0,529), I (жесткость — чувствительность) (0,477), представленные с положительной факторной нагрузкой. Фактор указывает на проявление таких личностных черт обучающихся, как осторожность, чувствительность, применение стратегии поведения в стрессовых ситуациях, «импульсивные действия» при внешне возможной демонстрации уверенности.

Пятый фактор определен нами как «высокий уровень притязаний», он представлен показателями: В (интеллект) (0,927), осторожные действия (0,660), манипулятивные действия (0,450) с положительной нагрузкой фактора. Свидетельствует о высоком интеллекте обучающихся, тенденциях применения косвенных стратегий поведения для достижения целей, осторожности и продуманности в процессе принятия профессиональных решений.

Выводы и практические рекомендации. Определены пять основных факторов, входящих в структуру индивидуально-психологических особенностей слушателей 5-го курса образовательной организации МВД России: «Псевдоидентичность»,

«Повышенная мотивационная активность», «Независимость», «Особенности эмоциональных реакций», «Высокий уровень притязаний». Наибольшую факторную нагрузку составили первых три фактора, которые указывают на высокую самооценку при псевдо высоком уровне профессиональной идентичности, достаточном развитии профессионально-личностных качеств, высоком уровне мотивации профессиональной деятельности и активности слушателей, а также таких качествах, как независимость, отстраненность, уход от решения сложных вопросов. На наш взгляд, завышенные оценки себя как профессионала, тенденции к самостоятельности принятия решений, склонность к риску, высокая мотивация профессиональной деятельности, амбициозность, высокая самооценка и уровень притязаний в совокупности с тенденциями применения в стрессовых ситуациях неадаптивных стратегий совладающего поведения снижают психологические ресурсы слушателей и на этапе вхождения в должность, и в начале практической деятельности способны снизить эффективность профессиональной деятельности.

Несмотря на то что коммуникативные, интеллектуальные, эмоциональные и регуляторные качества личности слушателей 5-го курса образовательной организации МВД России разви-

ты на достаточном уровне, в соответствии с требованиями, предъявляемыми к профессионалу правоохранительной деятельности, выявлен ряд особенностей, которые, на наш взгляд, способны снизить эффективность профессиональной деятельности выпускников. В связи с этим очевидна необходимость оказания психологического содействия обучающимся образовательных организаций МВД России в оптимальном развитии и использовании своих психологических ресурсов в процессе профессионального развития. Развитие психологических ресурсов в образовательных организациях МВД России предусматривает проведение консультационных и психокоррекционных мероприятий в процессе обучения. Мишенью психокоррекционного воздействия должны стать самооценка и уровень притязаний обучающихся, процесс формирования профессиональной идентичности. Особое внимание важно уделить формированию адаптивного копинг-поведения, способного снизить риск дезадаптационных реакций и состояний в условиях профессиональной деятельности в напряженных и экстремальных условиях. Кроме этого, важно поддерживать оптимально высокий уровень профессиональной мотивации обучающихся в образовательных организациях МВД России.

Литература

1. Белых-Силаев Д.В. Концепция организации психологической службы в воинской части с позиции стратегии творчества Уолта Диснея / Д.В. Белых-Силаев, Е.Н. Сапьяник // Юридическая психология. 2018. № 2. С. 38–40.
2. Белых-Силаев Д.В. Проблемы диагностики девиантного поведения в практике войскового психолога / Д.В. Белых-Силаев // Юридическая психология. 2019. № 1. С. 22–28.
3. Белых-Силаев Д.В. Типология личности военнослужащего в зависимости от ведущей акцентуации характера / Д.В. Белых-Силаев // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 30–38.
4. Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости : диссертация ... доктора психологических наук / Т.Г. Бохан. Томск, 2008. 394 с.
5. Жидкова О.А. Эмоционально-волевая саморегуляция как основа адаптационного потенциала сотрудников полиции / О.А. Жидкова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 202–206.
6. Злоказов К.В. Специфика личностных свойств кандидатов, не рекомендованных к службе в органах внутренних дел / К.В. Злоказов, А.Э. Власов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81). С. 228–234.
7. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа / Д.А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / под общей редакцией Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. Москва : Смысл, 2002. С. 56–65.
8. Франчук С.С. Качества личности, обуславливающие жизнестойкость сотрудников полиции / С.С. Франчук, С.Н. Гаврюченко // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2015. № 2. С. 106–111.
9. Цветков В.Л. Профессиографическое исследование: использование современных научных подходов в интересах совершенствования подготовки специалистов для органов внутренних дел Российской Федерации / В.Л. Цветков, Т.А. Хрусталева, А.А. Рожков, Н.Н. Красноштанова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (72). С. 226–232.

МЕДИАЦИЯ В СИСТЕМЕ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

КУЗНЕЦОВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,
доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности
Российского государственного университета правосудия,
кандидат психологических наук
Marina101-06@mail.ru

В статье рассмотрены объективные и субъективные факторы, влияющие на популяризацию процедуры медиации как способа досудебного урегулирования споров в гражданском процессе. Рассмотрены различные аспекты применения процедуры медиации в России. Предложены направления для повышения популяризации медиации в России.

Ключевые слова: медиация, медиатор, медиативное соглашение, досудебное урегулирование споров, правосознание, правовые споры, социальная реклама, профессионально важные качества медиатора.

MEDIATION IN THE SYSTEM OF CIVIL RIGHT PROTECTION MEANS

KUZNETSOVA MARINA A.
Senior Lecturer of the Department of Arrangement
of Judicial and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice
PhD in Psychology

The article reviews objective and subjective factors affecting promotion of the mediation procedure as a means of pre-trial dispute settlement in a civil procedure. Various aspects of application of the mediation procedure in Russia are reviewed. Proposals for increased promotion of mediation in Russia are brought forward.

Keywords: mediation, mediator, mediation agreement, pre-trial dispute settlement, legal consciousness, legal disputes, social advertising, professionally important qualities of a mediator.

Слово «медиация» имеет латинское происхождение и произвольно от глагола *mediare* — посредничать. Процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения¹.

Такое определение медиации дано в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (последняя редакция). Там же дается определение медиатора. Медиатор, медиаторы — независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора².

К настоящему моменту глубокие качественные исследования в области медиации были проведены такими учеными, как С.К. Загайнова, И.М. Зайцева, Ц.А. Шамликашвили, А.Д. Карпенко, Р.Г. Мельниченко, В.В. Лисицын и др. Большинство исследователей сходятся во мнении, что медиация как примирительная процедура обладает огромным потенциалом как основная альтернатива судебному урегулированию правовых споров, однако к настоящему моменту медиацию нельзя назвать популярной на территории Российской Федерации (см. таблицу).

¹ Ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (посл. ред.).

² Там же.

Таблица
Выдержка из сводного отчета арбитражных судов округов за 2019 г.

Арбитражные суды	Рассмотрено дел	В связи с утверждением мирового соглашения
Арбитражный суд Волго-Вятского округа	6 335	16
Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа	5 100	5
Арбитражный суд Дальневосточного округа	5 343	1
Арбитражный суд Западно-Сибирского округа	9 095	9
Арбитражный суд Московского округа	30 880	82
Арбитражный суд Поволжского округа	11 744	14
Арбитражный суд Северо-Западного округа	13 999	30
Арбитражный суд Северо-Кавказского округа	11 052	13
Арбитражный суд Уральского округа	12 429	45
Арбитражный суд Центрального округа	7 853	9
Всего по АС округов	113 830	224

Примечание: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5257>

Причины этого явления носят комплексный характер и требуют всестороннего анализа. В настоящей статье сделана попытка изучения различных аспектов сложности популяризации медиативной процедуры на территории Российской Федерации.

А. Михайлова³ в своей статье выделяет объективные причины, которые затрудняют распространение медиации как примирительной процедуры в России.

1. Отсутствие информации об институте медиации.

2. Недостаточное законодательное регулирование процедуры медиации.

3. Высокая стоимость услуг медиаторов.

4. Отсутствие в здании суда специального помещения для применения медиации.

5. Негативное влияние судебных представителей на проведение медиации.

6. Отсутствие традиций по ведению переговоров в России.

Попробуем рассмотреть указанные причины более подробно.

Отсутствие информации об институте медиации.

В настоящее время в Интернете достаточно много ресурсов, посвященных вопросу медиации, на которых также можно найти контакты медиаторов в различных регионах. Также в целях информирования граждан об альтернативном способе урегулирования спора суды и медиаторы принимают различные меры, например, размещают разъясняющую информацию на стендах и публикуют ее на сайтах судов.

Недостаточное законодательное регулирование процедуры медиации. Зачастую сложности связаны с процессуальными вопросами, которые затрудняют распространение примирительной процедуры, например, слишком сжатый срок на проведение медиации при передаче спора на рассмотрение в суд. Данный срок обусловлен сроком рассмотрения дела и не может превышать 60 дней (ч. 3 ст. 13 Закона о медиации)⁴.

Суд может объявить перерыв в судебном заседании для общения сторон с медиатором на несколько часов. Обычно это происходит в судах, где есть дежурные медиаторы. Но чаще всего суд откладывает судебное разбирательство. В случае принятия сторонами решения о проведении процедуры медиации суд по ходатайству обеих сторон может отложить судебное разбирательство на срок, не превышающий 60 дней (ч. 1 ст. 169 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), ч. 2, ч. 7 ст. 158 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ), ч. 1—2 ст. 13 Закона о медиации). Однако указанного времени не всегда бывает достаточно для разрешения спора⁵.

Кроме того, «минусом» существующей процедуры медиации является отсутствие у медиатора права знакомиться с материалами дела, поскольку он не является стороной спора (ст. 34—35 ГПК РФ, ст. 40—41 АПК РФ). На предоставление копий документов сторонами процесса уходит время, а без все-

стороннего изучения всех имеющихся данных урегулировать возникший спор бывает достаточно трудно⁶.

Высокая стоимость услуг медиаторов. По мнению судов, высокая стоимость услуг профессиональных медиаторов является существенным препятствием для более частого и эффективного использования института примирения. Однако анализ различных источников показал, что в среднем стоимость медиативной процедуры составляет 10 000—14 000 руб. за всю процедуру (приблизительно 5 000—7 000 для каждой стороны). Конечно, стоимость зависит от разных факторов, однако она зачастую ниже судебных издержек. Также следует помнить, что существует возможность бесплатного получения медиативной помощи в некоторых случаях.

Отсутствие в здании суда специального помещения для применения медиации. Все чаще можно услышать, что в судах открываются комнаты для медиации, что делает процедуру медиации все более доступной для граждан.

Негативное влияние судебных представителей на проведение медиации. С вступлением в силу Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который внес поправки о расширении применения и пояснении видов примирительных процедур, изменения напрямую внесены в Закон «О статусе судей в Российской Федерации», законы «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате», «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Кодекс Административного судопроизводства РФ, Закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и Закон «Об исполнительном производстве». Настоящими изменениями введен специальный субъект процедуры судебного примирения — судебный примиритель. Судебным примирителем является судья в отставке (ст. 135 АПК РФ, ст. 153.6 ГПК РФ, ст. 137.6 Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ)). Таким образом, федеральный закон усилил судебную составляющую в осуществлении примирения сторон.

Отсутствие традиций по ведению переговоров в России. Исследование примирительных способов защиты в историческом контексте зачастую принято проводить на анализе зарубежного опыта. Ряд авторов считают, что процедура медиации в праве впервые стала использоваться в Соединенных Штатах Америки (А.А. Бегаева)⁷. Такой подход объясняет преобладание западных точек зрения в вопросах применения процедуры медиации в России.

Однако, как следует из работ исследователей, занимавшихся изучением данного вопроса, пер-

³ Михайлова А. Медиация? Нет, не слышал... URL: <https://www.garant.ru/article/634009/>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Бегаева А.А. Институт медиации — альтернативный способ разрешения корпоративных конфликтов // Предпринимательское право. 2008. № 3. С. 13.

вые упоминания о примирительных процедурах в различных спорах на Руси встречаются уже в XI в. Так, в некоторых источниках можно найти упоминание об институте посредничества. В «Русской правде», как отмечает Ю.П. Титов⁸, уже присутствует упоминание о суде общины, который действовал наряду с княжеским судом.

Функцию посредников, участвовавших в заключении мировых сделок между истцами и ответчиками, выполняли представители судебных властей, к числу которых также относились княжеские наместники, которым князь поручал отправлять правосудие и улаживать споры между конфликтующими сторонами⁹. Оплата примирительной деятельности производилась в соответствии с законодательством того времени, расходы несли стороны, участвующие в споре. Упоминания об улаживании споров путем мирового соглашения можно также найти в Новгородской берестяной грамоте (1281–1313)¹⁰, Псковской судной грамоте (1367)¹¹, Двинской уставной грамоте (1398), Белозерской уставной грамоте (1488). В Судебнике Ивана IV (Грозного) (1551), в ст. 9, 10 и 62, говорится о возможности сторон прекратить спор примирением еще до начала и после начала pojedinka с уплатой минимальных пошлин¹².

В первой половине XVII в. на Руси практиковались также мировые соглашения и по крепостным делам (Соборное уложение, 1649)¹³. В статье 184 уложения впервые говорилось о возможности заключения мирового соглашения с истцом одного из ответчиков¹⁴. Во времена царствования Петра I порядок взимания пошлин был изменен — пошлины стали взиматься повсеместно. В этот период в законодательном плане медиативным процедурам уделялось недостаточно внимания, однако купечество неоднократно прибегало к мировым соглашениям, которые поддерживались частной инициативой. 1 февраля 1726 г. был издан Сенатский указ «О разбирательстве купцов меж себя по всем делам, подлежащим до купечества, по прежнему купеческому обыкновению, таможенным судом»¹⁵, который заложил правовую основу проведения примирительных процедур. Данным указом определялась компетенция словесных таможенных судов, призванных отправлять купеческое правосудие с использованием медиативных процедур¹⁶.

Примирительные процедуры также нашли свое отражение в уставе «О банкротах» (15 декабря 1740 г.)¹⁷. В частности, в ст. 24 устава была предусмотрена возможность заключения мирового со-

глашения между банкротом и его кредиторами¹⁸. Второй устав «О банкротах» был принят 19 декабря 1800 г.¹⁹. Как отмечает В.В. Лисицын, в рамках данного устава примирительные процедуры имели форму «медиаторского разбора» и переговоров между кредитором и должником, следствием которых являлись мировые сделки (соглашения)²⁰. «Медиаторский разбор» был аналогом третейского суда для разрешения одного дела, в ходе которого использовался метод примирения сторон.

Проведенный выше анализ позволяет сделать следующие выводы. Упоминания о примирительных процедурах, встречающиеся в различных источниках, убедительно свидетельствуют о наличии практики мировых соглашений в древнерусском обществе и широком применении медиативных процедур в различных спорах. Древнерусское законодательство содержало поощрительные нормы, которые обеспечивали приоритет примирительным способам защиты перед исковой защитой (например, частичное или полное освобождение от уплаты судебных пошлин), что способствовало понуждению сторон к миру. В более поздний период медиативные процедуры нашли свое закрепление в Сенатском указе «О разбирательстве купцов меж себя по всем делам, подлежащим до купечества, по прежнему купеческому обыкновению, таможенным судом» (1 февраля 1926 г.), уставах «О банкротах» (15 декабря 1740 г., 19 декабря 1800 г.). В данных документах медиативная процедура получила форму «медиаторского разбора», который, по сути, представлял собой третейский суд, в ходе которого использовался метод примирения сторон.

Таким образом, исторический анализ показал, что медиативная процедура не является привнесенной извне, а является достаточно распространенным способом решения различных правовых вопросов в различные исторические периоды, и, соответственно, эта причина не может объяснять недостаток доверия к данной процедуре, исходя из анализа данного аспекта.

Приведенные выше объективные факторы показывают, что в настоящее время развитие медиативной процедуры осуществляется как на законодательном, так и на исполнительном уровне.

Представляется возможным также рассмотреть, какие субъективные факторы могут повлиять на выбор медиативной процедуры гражданами в суде. К таким факторам можно отнести наличие у медиаторов профессионально важных качеств и навыков, уровень правовой культуры у населения, их стремление разрешать ситуации неконфликтным способом. Такое сотрудничество возможно лишь в том случае, если стороны готовы открыто и честно обсуждать сложившуюся ситуацию, заявлять о своих интересах и потребностях, стремиться понять другую сторону.

Я.А. Корнеева и Ю.Н. Рудакова на основе проведенного исследования²¹ выделяют следующие

⁸ Титов Ю.П. История государства и права. М., 1996. С. 39.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Арциховский А., Борковский В. Новгородские берестяные грамоты. М., 1963. С. 22.

¹¹ Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С. 321.

¹² Лисицын В.В. Медиация: примирительное урегулирование коммерческих споров в России (Прошлое и настоящее, зарубежный опыт). Вып. 2. М.: Изд-во «Радуница», 2011. С. 32.

¹³ Соборное уложение 1649 г. Л.: Изд-во «Наука», 1987. С. 197.

¹⁴ Лисицын В.В. Указ. соч. С. 34.

¹⁵ ПСЗ. 1. Т. VII. № 5145. С. 842–854.

¹⁶ Лисицын В.В. Указ. соч. С. 51.

¹⁷ ПСЗ. 1. Т. XI. № 8300.

¹⁸ Лисицын В.В. Указ. соч. С. 55.

¹⁹ ПСЗ. 1. Т. XXVI. № 19692.

²⁰ Лисицын В.В. Указ. соч. С. 62.

²¹ Корнеева Я.А., Рудакова Ю.Н. Особенности личности медиаторов при различной успешности проведения примирительной про-

профессионально важные качества: коммуникабельность, открытость, дружелюбие, эмпатия, ответственность, демократичность, независимость, активность, организованность, уравновешенность и конкретность. Следовательно, согласно данному исследованию, успешный медиатор — это контактный человек, способный принять мнение другого и при необходимости — уступить, умеющий организовать пространство и время, гибкий и инициативный, в то же время стремящийся придерживаться моральных и нравственных норм²². Развитие указанных профессионально важных качеств должно осуществляться в процессе обучения медиации.

В настоящее время в России существует несколько крупных школ медиации, также медиаторов готовят некоторые университеты и другие образовательные организации, например: АНО «Центр медиации и права», ГБОУ ВО «Московская академия рынка труда и информационных технологий», АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», НОУ ВО «Российская академия адвокатуры и нотариата», НОУ ВПО «Российский новый университет», юридический факультет, ФГБОУ ДПО «Институт развития дополнительного профессионального образования», кафедра медиации и права, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» и др.²³

Как отмечает О.Ю. Голуб²⁴, процедура медиации подразумевает, что только сами участники при наличии их желания и стремления могут разрешить конфликтную ситуацию в процессе коммуникации. Следовательно, только личная заинтересованность сможет побудить стороны воспользоваться услугами независимого посредника — медиатора. Однако высокая степень конфликтности, склонность к «сутяжничеству», низкий уровень правосознания и правовой культуры, отсутствие навыков ведения переговоров, недоверие к медиатору не способствуют росту востребованности медиативных процедур²⁵.

В качестве побудительных мотивов, которые могут способствовать выбору медиаторами процедуры медиации, следует назвать следующие: медиация менее затратна, чем судебный процесс, по времени и ресурсам; урегулирование споров исключает обжалование итогового судебного акта и подачу новых актов; процедура медиации конфиденциальна, в отличие от публичного судебного спора; при разрешении судебного спора возможны репутационные потери; возможности медиативного соглашения не ограничены предметом спора, оно может учитывать отношения спорящих сторон

и вне предмета этого спора, т.е. имеет более широкую область воздействия, и помогает регулировать отношения сторон на будущее.

Какие же меры могут способствовать развитию интереса к процедуре медиации у граждан?

Как отмечает О.Ю. Голуб, влиятельным инструментом информационно-разъяснительной деятельности может выступать социальная реклама, которая способна вовлечь массовое сознание в процессы перераспределения ценностных смыслов²⁶.

Другим путем популяризации процедуры медиации является проведение бесплатных демосессий, в процессе которых у граждан будет возможность попробовать услуги на бесплатной основе на протяжении ограниченного временного периода и ознакомиться с ее преимуществами. Это позволит снизить недоверие к данной процедуре и, возможно, побудит все больше граждан выбрать ее для разрешения возникших споров.

Помимо приведенных направлений развития медиативной процедуры в вопросах судебного характера, следует широко ее внедрять в других сферах и социальных институтах, таких как: школы, университеты, коммерческие и государственные организации — в целях популяризации института медиации и повышения доверия к его деятельности.

Вывод: Процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. К факторам, влияющим на распространение процедуры медиации в России, можно отнести объективные и субъективные причины. К объективным причинам можно отнести: недостаточное информирование населения об институте медиации, несовершенное законодательное регулирование процедуры медиации, наличие не во всех судах специального помещения для применения медиации и др. К субъективным причинам относятся: уровень квалификации и наличие профессионально важных качеств у медиаторов; высокая степень конфликтности, склонность к «сутяжничеству», низкий уровень правосознания и правовой культуры, отсутствие навыков ведения переговоров, нежелание брать на себя ответственность за разрешение конфликта у населения; недостаток стремления к развитию правовой культуры.

В качестве мер, направленных на популяризацию медиативной процедуры в России, можно назвать: повышение качества подготовки медиаторов, повышение их профессиональной компетентности; социальную рекламу, позволяющую в простой и доступной форме изложить преимущества медиации для населения; проведение бесплатных демосессий, в процессе которых у граждан будет возможность попробовать услуги на бесплатной основе на протяжении ограниченного временного периода; внедрение медиации в других сферах и социальных институтах, таких как: школы, университеты, коммерческие и государственные организации, как это происходит в других странах.

целудры // Психология и психотехника. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-mediatorov-pri-razlichnoy-uspeshnosti-provedeniya-primiritelnoy-protsedury/viewer>

²² Там же.

²³ URL: <http://fedim.ru/reestry-mediatorov/reestr-obrazovatelnyh-organizatsij-mediatorov/>

²⁴ Голуб О.Ю. Перспективы развития медиации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-mediatsii-v-rossii/viewer>

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Предложенные меры могли бы способствовать повышению популярности процедуры медиации в

России, сделать процедуру медиации более понятной для граждан, создать доверие к институту медиации.

Литература

1. Бегаева А.А. Институт медиации — альтернативный способ разрешения корпоративных конфликтов / А.А. Бегаева // Предпринимательское право. 2008. № 3. С. 13–16.
2. Голуб О.Ю. Перспективы развития медиации / О.Ю. Голуб // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 1. С. 33–37.
3. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в Древней России : Опыты по истории русского гражданского права / Н.Л. Дювернуа. Москва : Университетская тип., 1869. 413 с.
4. Корнеева Я.А. Особенности личности медиаторов при различной успешности проведения примирительной процедуры / Я.А. Корнеева, Ю.Н. Рудакова // Психология и психотехника. 2019. № 3. С. 68–80.
5. Лисицын В.В. Медиация: примирительное урегулирование коммерческих споров в России : (прошлое и настоящее, зарубежный опыт) / В.В. Лисицын. Москва : Радунца, 2010. 223 с.
6. Михайлова А. Медиация? Нет, не слышал... / А. Михайлова // Гарант.Ру. 2015. 1 июля.
7. Новгородские грамоты на бересте : (из раскопок...). Т. 5. 1956–1957 гг. / А.В. Арциховский, В.И. Борковский. Москва : Академия наук СССР, 1963. 328 с.
8. Соборное уложение 1649 года : Текст, комментарий / комментарий Г.В. Абрамовича [и др.] ; руководитель авторского коллектива А.Г. Маньков. Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1987. 448 с.
9. Титов Ю.П. История государства и права России : учебник для студентов вузов / Ю.П. Титов [и др.] ; ответственный редактор Ю.П. Титов. Москва : Былина, 1996. 503 с.

ОТНОШЕНИЕ К КРЕДИТАМ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С РАЗЛИЧНЫМ ТИПОМ КРЕДИТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

РЕШЕТОВА НАТАЛИЯ ПЕТРОВНА,
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела
(военно-научной информации, военно-правовых проблем)
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат психологических наук
vu-nu@mail.ru

АРУТЮНЯНЦ ТИГРАН САРКИСОВИЧ,
курсант Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
014130@mail.ru

В статье рассматриваются типы кредитного поведения и структура системы отношения к кредитам у военнослужащих с различным типом кредитного поведения.

Ключевые слова: экономическая психология, психология денег, психология кредита, кредитное поведение, отношение к деньгам.

THE ATTITUDE TO CREDITS OF MILITARY SERVICEMEN WITH A DIFFERENT CREDIT BEHAVIOR TYPE

RESHETOVA NATALIA P.
Senior Research Scientist of the Research Department
(of Military Scientific Information, Military Law Issues)
of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
PhD in Psychology

ARUTYUNYANTS TIGRAN S.
Cadet of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

The article considers the types of credit behaviour and the structure of attitudes towards credit among military officers with different type of credit behaviour.

Keywords: economic psychology, psychology of money, psychology of credit, credit behaviour, attitude towards money.

Жизнь в кредит становится все более привычной для современного человека. Благодаря бан-

ковским кредитам люди разрешают свои текущие проблемы: приобретают жилье, транспортные

средства, бытовую технику, оплачивают образовательные услуги и т.д. Кроме того, банки активно стимулируют покупательский спрос на актуальные товары и услуги, что, в свою очередь, способствует росту их производства и уровня продаж.

Деньги являются предметом изучения не только в экономике, но и в социальных науках: психологии, социологии и др. «Различие в подходах к их изучению определяется, главным образом, отношением к фундаментальному принципу экономической рациональности: предпосылке рационального поведения экономических агентов»¹.

Известные психологи А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко, исследуя социально-психологические феномены экономического сознания, полагают, что определяющей единицей анализа является «отношение личности к различным экономическим объектам»². Иными словами, по их мнению, отношение индивидуума к финансовым средствам следует рассматривать как составляющую экономического сознания.

Нередко при обсуждении отношения к деньгам фигурирует категория рационального поведения. Такой тип поведения рассматривается как поведение, обеспечивающее максимизацию доходов и снижение расходов. С этой точки зрения добровольный бесплатный труд, благотворительность, подарки или игра в лотерею рассматриваются как иррациональные³.

В экономике деньги воспринимаются как простое средство обмена, как нечто обезличенное и обыденное. При этом поведение коллекционеров, жертвователей приводит к пониманию, что «деньги несут в себе не только обыденный, но и сакральный смысл и могут олицетворять собой как добро, так и зло»⁴.

«Тайный смысл» денег тесно взаимосвязан с экономическими установками индивидов, которые различаются у состоятельных и малообеспеченных людей, у представителей восточной и западной культур и т.п.⁵

Наличие такого — сакрального — смысла денег можно отследить в момент принятия решений, связанных с «бесценными», по мнению их обладателя, объектами, связанными с любовью, сексуальностью, властью, смертью⁶. Универсальность

денег как всеобщей меры — это заблуждение: зачастую «кровавые» деньги тратят иначе, чем честно заработанные, а «деньги, полученные в дар от короля, — это не то же самое, что выигрыш в лотерею»⁷.

Значительное число исследований, особенно зарубежных, посвящено психологии потребления. Эти исследования носят в основном прикладной характер. Так, например, Макдональд с помощью психометрических методов выделил шесть типов покупателей:

- оценивающие,
- модники,
- лояльные,
- любители разнообразия,
- покупатели на отдыхе,
- эмоциональные⁸.

Очевидно, что представители вышеуказанных типов покупателей расходуют деньги по-разному, а экономическое поведение далеко не всегда соответствует рациональной модели, представленной экономистами.

Отдельная группа исследований фокусируется на изучении долгового поведения субъектов. Были выделены факторы, детерминирующие долговое поведение⁹.

Существенным является тот факт, что само общество изменило свое отношение к долговому (кредитному) поведению. До недавнего времени наличие долга осуждалось, современная же «потребительская мораль» весьма терпимо относится к долгам и даже приветствует их¹⁰.

Общество и семьи, в которых использование заемных средств считается приемлемым, формируют подобную модель у представителей следующего поколения¹¹.

Примечательно следующее социальное сравнение: люди, предрасположенные к отождествлению себя с более состоятельными представителями общества, гораздо чаще берут кредиты, стремясь быть «не хуже других»¹², «залезая» при этом в долги.

Неспособность грамотно распоряжаться финансами приводит к случайным, необдуманным покупкам и является признаком неорганизован-

¹ Некрасова Е.А. Особенности ценностно-смыслового отношения к деньгам у носителей проблемных кредитов // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2017. № 2. С. 49–54.

² Журавлев А.Л. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. М.: Ин-т психологии РАН (ППП Тип. «Наука»), 2003. 435 с.

³ Мельничук А.С. Отношение к деньгам как фактор личностно-профессионального становления будущих психологов // Акмеология. 2015. № 4 (56). С. 87–95.

⁴ Голубева Е.В. Отношение к деньгам как аспект психологической суверенности // Вестник Самарского муниципального института управления. 2012. № 1. С. 51–56.

⁵ Там же.

⁶ Некрасова Е.А. Психологическая помощь при проблемном отношении к деньгам: возможности и ограничения //

В сб. материалов II Международной научно-практической конференции: Проблемы эффективной интеграции науки, образования и инновационной практики в цифровом обществе. 2018. С. 51–53.

⁷ Wiseman T. The Money Motive. London: Hodder & Stoughton, 1974. P. 17–20; Matthews A.M. If I Think about Money so much. Why Can't I Figure it out. New York: Summit Books, 1991. P. 18.

⁸ McDonald W. Psychological associations with shopping // Psychology and Marketing. 1994. № 11. P. 549–568.

⁹ Wiseman T. Ibid. P. 17–20. Matthews J. Ibid.

¹⁰ Мужичкова Ю.Е. Психология обыденных представлений о долгах и кредитах // Вестник Финансового университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 37–44.

¹¹ Некрасова Е.А. Оптимизация ценностно-смыслового отношения к деньгам у супругов // Юридическая психология. 2016. № 3. С. 21–23.

¹² Павлова О.Е., Гагарина М.А. Личностные детерминанты долгового поведения // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 6 (45). С. 264–270.

ности в финансовом поведении. Все это, в конечном итоге, приводит к материальным проблемам.

В не меньшей степени к формированию долгов приводит распространение потребительского поведения, основанного на удовлетворении текущих потребностей без учета текущих возможностей¹³.

Эмоциональные переживания, связанные с наличием кредита, также формируют кредитное поведение. Если кредиты не вызывают тревоги или беспокойства, то и используются они чаще.

Таким образом, в реальной жизни поведение граждан, в том числе военнослужащих, редко соответствует рациональной модели, предлагаемой экономистами¹⁴.

Анализ психологической литературы позволяет прийти к выводу, что в основе использования кредитов в повседневной жизни лежат социальные корни. В настоящее время деньги берутся займы не только для покупки необходимых вещей, но и для приобретения предметов роскоши. Брать кредит стало модно, а его использование сегодня воспринимается как своеобразная привилегия. Наконец, использование кредитных карт поощряется банковскими организациями, а обладание картой зачастую расценивается как показатель социальной значимости ее владельца.

Многие исследователи отмечают, что сам факт наличия кредита влияет на уровень его психологического восприятия.

Люди, часто обращающиеся за кредитом, отличаются по своим социальным, материальным и психологическим характеристикам от тех, кто кредит брать не готов. При этом существуют значимые отличия между следующими группами: «люди без кредитных обязательств», «люди со средним уровнем закредитованности», «люди с высоким уровнем закредитованности».

Исследования кредитного поведения подтверждают, что определяющими в его типологии являются три составляющие:

- наличие или отсутствие задолженности и сбережений;
- мотивация деятельности и предпочтения в выборе финансовых инструментов;
- принципы управления бюджетом в домохозяйстве.

При этом на тип кредитного поведения оказывают влияние следующие факторы:

- отношение к получению денег в долг;
- отношение к предоставлению денег в долг;
- отношение к кредиту;
- отношение к сбережениям;
- отношение к деньгам и богатству;
- склонность к риску;
- стремление к благосостоянию.

¹³ Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Чувство долга и типы кредитно-долгового поведения // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4 (37). С. 74–82.

¹⁴ Некрасова Е.А. Влияние отношения к деньгам на служебную деятельность: постановка проблемы // Человеческий капитал. 2019. № 6-2 (126). С. 228–232.

На основе теоретического анализа материалов по исследуемой проблеме нами было проведено эмпирическое исследование. Для проведения исследования была сформирована группа из 20 военнослужащих мужского пола в возрасте 25–35 лет.

Для исследования структуры кредитных установок использовался опросник «Отношение к кредитам»¹⁵, который воспроизводит ситуации кредитования (желание, намерение взять кредит; проработка информации о нем и решение о его взятии; возврат кредита) и, соответственно, включает оценку аффективно-мотивационной, когнитивной и поведенческой составляющих отношения к кредитам. Опросник включает 10 шкал.

На основе полученных результатов выявлены три типа кредитного поведения: рациональный, нормативный, иррациональный (рис. 1).

Рис. 1. Разделение выборки по типам кредитного поведения

Рациональный тип кредитного поведения свойствен военнослужащим, для которых деньги имеют инструментальное значение, т.е. рассматриваются как способ достижения конкретных целей. Исследуемые данной группы практически не склонны брать кредиты. У некоторых военнослужащих бывают задержки по их погашению, однако, как правило, они не превышают недельного срока. Также нередки случаи досрочного погашения кредитов. В целом военнослужащие, вошедшие в данную группу, имеют достаточно ясное представление о системе финансово-экономических отношений в обществе и на этой основе могут прогнозировать и строить свое финансовое поведение, в том числе кредитное.

Нормативный тип кредитного поведения. У военнослужащих с таким типом кредитного поведения — наименьшее количество кредитов, отсутствуют задержки по их погашению. К данной группе относятся военнослужащие, ориентированные на внешние факторы в регулировании своего поведения. Они всегда стараются выполнять свои обязанности, исходя из требований регла-

¹⁵ Глухов Е.А., Корякин В.М. Разработка опросника отношения к кредитам и его психометрическое обоснование // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 4. С. 153–166.

ментирующих документов. Однако у этих военнослужащих отсутствует четкое представление о финансово-кредитных отношениях. Они не всегда способны четко планировать свои траты и могут совершать необдуманные покупки на основании их социальной значимости.

Иррациональный тип кредитного поведения. В эту группу вошло наибольшее число военнослужащих, оформивших кредиты. При этом у них имеется значительное число задолженностей по погашению кредитов, в том числе долгосрочных, превышающих две недели. Военнослужащие, вошедшие в эту группу, отличаются отсутствием корректных представлений о финансово-денежных отношениях в обществе. Они не умеют планировать покупки и расходовать денежные средства, а действуют исходя из ситуативных потребностей, часто используя при этом кредит. Нередки случаи использования новых кредитов для погашения или рефинансирования старых.

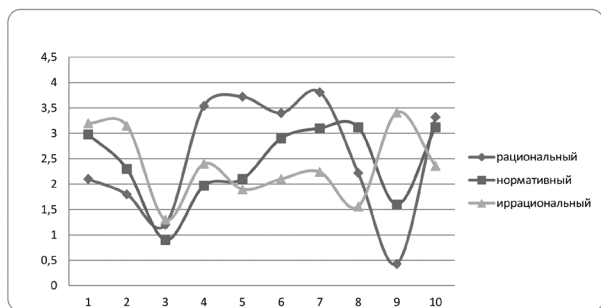

Рис. 2. Структура системы отношения к кредитам у военнослужащих с различным типом кредитного поведения

Примечание: 1 — удовольствие от кредита; 2 — воплощение мечты; 3 — настороженность к кредитам; 4 — кредит как норма жизни; 5 — целевое использование денег; 6 — информированность о кредитах; 7 — условия кредитования; 8 — поиск вариантов разрешения проблемы; 9 — избегающее поведение; 10 — общественно-экономическая активность.

Группа военнослужащих с рациональным типом кредитного поведения, с точки зрения аффективно-мотивационного компонента, характеризуется принятием кредита как нормы жизни и ориентируется на целевое «крупное» использование денег. Такие военнослужащие имеют четкое представление об основных принципах и закономерностях кредитования. Они всегда знают и могут сопоставить условия кредитования в различных банках. Иными словами, у них высоко развита когнитивная составляющая отношения к кредитам, они проявляют общественно-экономическую активность, а в случае возникновения сложностей их действия всегда направлены на поиск эффективных решений.

Военнослужащим с нормативным типом кредитного поведения свойственно «среднее» стремление к получению удовольствия от использования кредита, но в целом аффективно-мотивационная составляющая у таких военнослужащих выражена довольно слабо, что демонстрирует низкий уровень готовности к использованию кредита. При этом для них значима когнитивная составляющая отношения к кредиту, что свидетельствует о высоком уровне представленности таких знаний в образе мира таких военнослужащих. В их поведении выражена направленность на общественную активность и рациональные способы разрешения жизненных проблем.

Для военнослужащих с иррациональным типом кредитного поведения характерно стремление к получению удовольствия от расходования кредитных средств и воплощению в жизнь их мечты. При этом у них достаточно слабо выражена когнитивная составляющая, что в итоге приводит к недооценке возможности выплаты кредита, появлению кредитной задолженности. Поведенческая составляющая выражается в избегающем поведении, что свидетельствует о неумении таких военнослужащих осознавать и преодолевать сложности, связанные с финансовым поведением.

Таким образом, на основании эмпирического исследования можно выделить три типа кредитного поведения военнослужащих: рациональный, нормативный и иррациональный.

Наиболее эффективно выполняют служебные задачи военнослужащие с рациональным типом кредитного поведения. Они более организованы не только по отношению к деньгам, но и в повседневной служебной деятельности.

Военнослужащие с нормативным типом кредитного поведения также довольно успешно справляются с выполнением служебных задач. Однако слишком высокое стремление «делать все правильно» зачастую ведет к избыточной мотивации¹⁶, что снижает эффективность выполнения служебных задач. В их поведении очевидна направленность на общественную активность и рациональные способы разрешения возникающих противоречий¹⁷.

В процессе теоретического и эмпирического рассмотрения вопроса выявлены особенности влияния различных типов кредитного поведения на эффективность выполнения служебных задач.

Последующая работа с военнослужащими с иррациональным типом кредитного поведения может быть построена на использовании игр и иных интерактивных моделей коммуникации.

Проведенные исследования требуют учета в психодиагностической практике войсковых пси-

¹⁶ Носов А.В. Оценка служебного поведения государственных служащих // Акмеология. 2011. № 3 (39). С. 158–161.

¹⁷ Носов А.В. Проблемы социально-психологического анализа служебной деятельности военнослужащих // Акмеология. 2015. № 3 (55). С. 132–134.

хологов¹⁸. Перспективы дальнейших исследований в области кредитного поведения могли бы быть

связаны с изучением влияния акцентуаций характера на кредитное поведение военнослужащих¹⁹.

¹⁸ Белых-Силаев Д.В. Проблемы диагностики девиантного поведения в практике войскового психолога // Юридическая психология. 2019. № 1. С. 22–28.

¹⁹ Белых-Силаев Д.В. Типология личности военнослужащего в зависимости от ведущей акцентуации характера // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 30–38.

Литература

1. Белых-Силаев Д.В. Проблемы диагностики девиантного поведения в практике войскового психолога / Д.В. Белых-Силаев // Юридическая психология. 2019. № 1. С. 22–28.
2. Белых-Силаев Д.В. Типология личности военнослужащего в зависимости от ведущей акцентуации характера / Д.В. Белых-Силаев // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 30–37.
3. Гагарина М.А. Использование игр в образовательном процессе для повышения кредитной компетентности / М.А. Гагарина // Акмеология. 2015. № 3 (55). С. 54–55.
4. Глухов Е.А. Разработка опросника отношения к кредитам и его психометрическое обоснование / Е.А. Глухов, В.М. Корякин // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 4. С. 153–166.
5. Голубева Е.В. Отношение к деньгам как аспект психологической суверенности / Е.В. Голубева // Вестник Самарского муниципального института управления. 2012. № 1. С. 51–56.
6. Журавлев А.Л. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. Москва: Ин-т психологии РАН, 2003. 435 с.
7. Лебедев А.Н. Чувство долга и типы кредитно-долгового поведения / А.Н. Лебедев, О.В. Гордякова // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4 (37). С. 74–82.
8. Мельничук А.С. Отношение к деньгам как фактор личностно-профессионального становления будущих психологов / А.С. Мельничук // Акмеология. 2015. № 4 (56). С. 87–95.
9. Мужичкова Ю.Е. Психология обыденных представлений о долгах и кредитах / Ю.Е. Мужичкова // Вестник Финансового университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (20). С. 37–44.
10. Некрасова Е.А. Влияние отношения к деньгам на служебную деятельность: постановка проблемы / Е.А. Некрасова // Человеческий капитал. 2019. № 6-2 (126). С. 228–232.
11. Некрасова Е.А. Оптимизация ценностно-смыслового отношения к деньгам у супругов / Е.А. Некрасова // Юридическая психология. 2016. № 3. С. 21–23.
12. Некрасова Е.А. Особенности ценностно-смыслового отношения к деньгам у носителей проблемных кредитов / Е.А. Некрасова // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2017. № 2. С. 49–54.
13. Некрасова Е.А. Психологическая помощь при проблемном отношении к деньгам: возможности и ограничения / Е.А. Некрасова // Проблемы эффективной интеграции науки, образования и инновационной практики в цифровом обществе: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Москва, 27 ноября 2018 г.): сборник научных статей. Москва: Буки-Веди, 2018. С. 51–53.
14. Носов А.В. Оценка служебного поведения государственных служащих / А.В. Носов // Акмеология. 2011. № 3 (39). С. 158–161.
15. Носов А.В. Проблемы социально-психологического анализа служебной деятельности военнослужащих / А.В. Носов // Акмеология. 2015. № 3 (55). С. 132–134.
16. Павлова О.Е. Личностные детерминанты долгового поведения / О.Е. Павлова, М.А. Гагарина // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 6 (45). С. 264–270.
17. Тюрин А.И. Теоретические и методические аспекты оценки служебного поведения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации / А.И. Тюрин, А.В. Носов // Право в Вооруженных силах. 2010. № 10 (160). С. 33–35.
18. Matthews A.M. If I Think about Money so much. Why Can't I Figure it out?: Understanding and Overcoming Your Money Complex / A.M. Matthews. New York: Summit Books, 1991. 269 p.
19. McDonald W. Psychological associations with shopping / W. McDonald // Psychology and Marketing. 1994. Vol. 11. P. 549–568.
20. Wiseman T. The Money Motive / T. Wiseman. London: Hodder & Stoughton. 1974. 285 p.

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08 или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ

БЕЛЫХ-СИЛАЕВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
главный редактор журнала «Юридическая психология»,
юрист, психолог, педагог
014130@mail.ru

Статья посвящена проблемам развития психологической службы, связанным с наметившейся тенденцией перехода от органов по работе с личным составом к военно-политическим (политическим) органам. Обсуждаемая автором тема актуализируется в связи с состоявшимися решениями об организации военно-политических (политических) органов в Росгвардии в сентябре 2020 года. Автор анализирует функционирование воссозданных в 2018 году в Вооруженных Силах Российской Федерации военно-политических органов. Указывается на риски, создающие угрозу успешному функционированию психолога в системе военно-политических органов, в том числе на риск стигматизации, предлагаются пути преодоления выявленных рисков. Кроме психологического также рассматриваются исторический, правовой и педагогический аспекты проблемы.

Ключевые слова: военно-политические органы, психологическая служба, замполит, политрук, психолог, стигматизация, идеология.

ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF THE PSYCHOLOGICAL SERVICE IN THE SYSTEM OF MILITARY POLITICAL AUTHORITIES

BELYKH-SILAEV DMITRIY V.
Editor in Chief of the Legal Psychology Journal
Lawyer, Psychologist, Teacher

The article is dedicated to the issues of the development of the psychological service related to the emerging tendency of a shift from personnel authorities to military political (political) authorities. The subject discussed by the author is relevant in view of the made decisions on restructuring of military political (political) authorities of the Federal National Guard Troops Service in September 2020. The author analyzes functioning of military political authorities re-established in the Armed Forces of the Russian Federation in 2018. The paper points to risks posing a threat to successful functioning of a psychologist in the system of military political authorities including the stigmatization risk, offers ways to overcome the identified risks. Historical, legal and pedagogical aspects of the issue are reviewed in addition to the psychological one.

Keywords: military political authorities, psychological service, deputy commander for political affairs, political instructor, psychologist, stigmatization, ideology.

Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2020 г. № 570 внесены изменения и дополнения в п. 9 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2020 г. № 510, в соответствии с которыми в Росгвардии должна быть организована военно-политическая (политическая) работа¹.

Произошедшие изменения актуализируют вопрос о военно-политических (политических) органах, которые стали восприниматься в федеральных органах исполнительной власти в качестве референтной (эталонной) группы, наметилась

тенденция перехода от органов по работе с личным составом к военно-политическим органам, создаваемым на их основе. Происходящая динамика требует от профессионального сообщества анализа практики функционирования уже более двух лет военно-политических органов в Вооруженных Силах Российской Федерации. Для психологов представляет научный и практический интерес проблема развития психологической службы в системе военных политических органов.

Еще в 2018 году состоялись решения на возрождение военно-политических органов в Вооруженных Силах РФ на базе ранее существовавших органов по работе с личным составом. 30 июля 2018 г. в Министерстве обороны Российской Федерации было возрождено в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 июля 2018 г. № 454 Главное военно-политическое управление (ГВПУ). Приказом министра обороны РФ от 22 июля 2019 г. № 404 были утверждены Основы организации военно-политической работы в ВС

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» (ред. от 21.09.2020); Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2020 г. № 570 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе войск национальной гвардии, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 30.09.2016 № 510».

РФ (далее — Основы), этим же приказом был отменен приказ министра обороны РФ от 12 октября 2016 г. № 655 «Об организации работы с личным составом в ВС РФ»².

Рассмотрим ряд *концептуальных проблем*, связанных с возрождением военно-политических органов и функционированием в их системе психологической службы. Анализ этих вышеуказанных нормативно-правовых актов показывает, что военно-политическая работа от работы с личным составом отличается, во-первых, названием. Так, заместители командиров (начальников) по работе с личным составом стали именоваться заместителями командиров (начальников) по военно-политической работе. При этом нужно отметить, что уважительное название должности «замполит» сохранилось в лексике военнослужащих и в тот период времени, когда существовали органы по работе с личным составом, где заместитель «по работе с личным составом» зачастую в повседневной лексике военнослужащих иронично именовался заместителем «по борьбе с личным составом», что важно с точки зрения социальной перцепции (психологии восприятия), поскольку восприятие опосредованно влияет на эффективность деятельности. Во-вторых, требует анализа содержание деятельности этих должностных лиц — заместителей командиров (начальников) по военно-политической работе и заместителей командиров (начальников) по работе с личным составом.

Согласно приказу министра обороны РФ от 12 октября 2016 г. № 655 и в соответствии с п. 3 утвержденных этим приказом Основ организации работы с личным составом в ВС РФ работа с личным составом — это комплекс информационно-пропагандистских, психологических, социальных, правовых, культурно-досуговых и иных мероприятий, целью которых является формирование готовности к выполнению задач по предназначению. В соответствии с п. 9 указанных Основ работа с личным составом организуется по таким основным направлениям, как работа по поддержанию правопорядка и воинской дисциплины; информационно-пропагандистская работа; психологическая работа; военно-социальная работа; культурно-досуговая работа; проведение социологических исследований; работа с верующими военнослужащими. Таким образом, заместителю командира (начальника) по работе с личным составом был подчинен психолог, социальный работник, социологическая служба, помощник по работе с верующими военнослужащими (как правило, войсковой священник, члены актива по работе с верующими военнослужащими других традиционных конфессий)³, пропагандист

(агитатор), должностные лица, проводящие мероприятия по культурно-досуговой работе⁴. В системе МВД России заместителю начальника по работе с личным составом подчинен еще и кадровый аппарат. При этом нужно понимать, что подчинение любому должностному лицу кадровой службы организации само по себе может существенным образом усилить аппаратный вес, авторитет этого должностного лица, поскольку, как известно, «кадры решают все, кадры решили — все»⁵.

В соответствии с п. 2 Основ организации военно-политической работы в Вооруженных Силах РФ (Основы), утвержденных Приказом Министра обороны РФ от 22 июля 2019 г. № 404, военно-политическая работа — это комплекс мероприятий военно-политической пропаганды и агитации, психологических, культурно-досуговых и иных мероприятий, обеспечивающих выполнение задач по предназначению в любых условиях обстановки. В соответствии с п. 14 Основ, военно-политическая работа осуществляется по таким направлениям, как военно-политическая пропаганда и агитация; психологическая работа; военно-социальная работа; культурно-досуговая работа; работа с верующими военнослужащими; социологическая работа; индивидуальная работа, иные мероприятия.

Таким образом, мы видим, что объем понятий «работа с личным составом» и «военно-политическая работа» практически совпадает. В чем разница? Разница в том, что руководителем всех перечисленных мероприятий в настоящее время в условиях военно-политических органов является, по сути, специалист, который ранее выполнял весьма специализированные функциональные обязанности по агитации и пропаганде. Может ли это обстоятельство повлиять на эффективность деятельности руководимых этим должностным лицом специалистов, в частности психолога? Нам представляется, что, может, и существенно, в том числе путем вовлечения психолога в моббинг-процесс в качестве объекта моббинга⁶. Поскольку в деятельности органов по работе с личным составом вторгается собственно политический компонент, который, в частности, для психологической службы создает *риски стигматизации*. Стигматизация (от греч. «стигма», «ярлык») — это процесс и результат навешивания социальных ярлыков, при котором происходит увязывание какого-либо качества с отдельным человеком или группой лиц. Так, например, советская психиатрия, будучи включенной в политический процесс в СССР, допускала для социальной изоляции диссидентов постанов-

² Приказ Министра обороны России от 22 июля 2019 г. № 404 «Об организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации»; Приказ Министра обороны России от 12 октября 2016 г. № 655 «Об организации работы с личным составом в ВС РФ».

³ Белых-Силаев Д.В. Психологический актив войсковой части // Юридическая психология. 2018. № 4. С. 29–34.

⁴ Приказ Министра обороны России от 12 октября 2016 г. № 655 «Об организации работы с личным составом в ВС РФ».

⁵ Некрасов В.Ф. Аппарат ЦК КПСС в погонах и без. Некоторые вопросы обороны, госбезопасности, правоохранительной деятельности в ЦК КПСС (40-е — начало 90-х годов XX века). М.: Кучково поле, 2010. 384 с.

⁶ Белых-Силаев Д.В. Проблема моббинга в работах зарубежных исследователей // Юридическая психология. 2008. № 1. С. 45–47.

ку психиатрических диагнозов психически здоровым людям по политическим соображениям⁷. Тогда в годы андроповского руководства органами государственной безопасности, как не покажется странным для восприятия в наши дни, это была во многом гуманная мера, поскольку до этой практики существовала практика репрессий политических оппонентов, связанная с лишением их жизни (имеется в виду печальная практика внесудебных расправ и квазисудебных процессов в годы сталинских репрессий, которая во многом стигматизировала правоохранительные органы в целом, сместив акценты в их восприятии от правоохранительных к репрессивным, карательным, что, в свою очередь, негативно сказалось на их эффективности, подорвав доверие к ним общества)⁸. Изоляция диссидентов (от лат. 'dissidens' — «инакомыслящий», «несогласный») в психиатрических стационарах позволяла сохранять жизни людям, но привела к стигматизации профессии психиатра. Так, если за рубежом у граждан нет страха обращения к психиатру, а психолог, как и юрист, в западной культуре является «другом человека», то в СССР и в постсоветской России люди избегают контактов с психиатром именно в силу памяти о том советском опыте, когда любой контакт с психиатром мог иметь негативные социальные последствия для любого человека, означая для него во многом социальную смерть (невозможность трудоустроиться на престижную работу, невозможность карьерного роста и проч.). Эта стигма советских психиатров во многом распространилась и на профессию психолога в современной России. Практикующим психологам зачастую приходится объяснять гражданам, чем отличается психолог от психиатра, информировать о том, что психолог имеет дело с личностью психически здорового человека и что факт обращения к психологу не ставит под сомнение психическое здоровье человека⁹. В связи с возвращением политической компоненты в деятельность психолога вновь создается риск стигматизации уже психологов. Поэтому мы бы предложили к обсуждению в профессиональном сообществе организационные меры, которые позволили бы максимально обособить психологическую службу в системе военно-политических органов от возможных политических установок, исходящих от замполита. Полагаем, что для психолога от командира войсковой части, от его прямых начальников по линии психологической службы вплоть до начальника психологической службы федерального органа исполнительной власти, в котором предусмо-

тены военно-политические органы, должны быть предусмотрены организационные, административные и иные гарантии, обеспечивающие возможность своевременной правовой интервенции в возможный моббинг-процесс¹⁰ и нацеленные на постановку психологических диагнозов только на основании данных психодиагностики, минуя какие-либо влияния со стороны должностных лиц, не сведущих в вопросах психологического сопровождения служебной деятельности, но желающие использовать психолога как инструмент в аппаратной борьбе¹¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что заместитель по работе с личным составом был идеологически и политически нейтральной фигурой, что усматривалось как из официального наименования должности, так и из выполняемых им функциональных обязанностей. Функции политической агитации и пропаганды в органах по работе с личным составом выполнял закрепленный за направлением агитации и пропаганды специалист, который в силу отсутствия у него властных полномочий и руководящих функций не влиял на деятельность органов по работе с личным составом¹². Иная картина может сложиться и зачастую действительно складывается в связи с приходом к руководству в органах по работе с личным составом политработника, который принимает решения через призму политической целесообразности, политической лояльности, обоснованности. Не может ли это привести к ситуации, когда заключения подчиненного политработнику психолога будут основаны не на объективных данных психодиагностики, а на политических установках, направляемых в психологическую службу замполитом (возможен ли такой диалог между замполитом и подчиненным ему психологом: «если политически лоялен военнослужащий, напиши, психолог, что у военнослужащего высокий уровень нервно-психической устойчивости и он достоин назначения на вышестоящую должность», а «если его жена на кухне политически незрелые разговоры разговаривает, то напиши ему, что он “суицидник” и мы его уволим с военной службы по заключению психолога»)¹³. Сама такая возможность в силу

⁷ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / под ред. акад. А.Н. Яковлева; авт.-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2003, 768 с.
⁸ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999, 512 с.
⁹ Бельх-Силаев Д.В. Психологическая составляющая профессиональной деятельности следователя в ситуации работы с потерпевшим при возникновении острой реакции на стресс // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 38–40.

¹⁰ Бельх-Силаев Д.В. Правовая интервенция в моббинг-процесс // Юридическая психология. 2008. № 4. С. 46–48.

¹¹ Бельх-Силаев Д.В., Сапьяник Е.Н. Концепция организации психологической службы в воинской части с позиции стратегии творчества Уолта Диснея // Юридическая психология. 2018. № 2. С. 38–40.

¹² Бельх-Силаев Д.В. Формирование правопослушного поведения сотрудников правоохранительных органов в ходе информирования личного состава // Юридическая психология. 2012. № 4. С. 5–8.

¹³ Бельх-Силаев Д.В. Проблемы диагностики девиантного поведения в практике войскового психолога // Юридическая психология. 2019. № 1. С. 22–28; Бельх-Силаев Д.В. Типология личности военнослужащего в зависимости от акцентуации характера // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 30–38; Бельх-Силаев Д.В., Ивашин А.Г., Ландцов Д.Е. Акцентуации характера и подходы к их классификации // Юридическая психология. 2013. № 2. С. 34–40.

того, что психолог оказывается в подчинении у политработника, способна стигматизировать психолога как «палача, топора власти, санитаря леса»¹⁴, подорвать доверие к психологам, предостеречь военнослужащих от обращения к психологу, а значит, и способствовать росту происшествий среди личного состава, поскольку отсутствие своевременного коммуникативного контакта между психологом и военнослужащим, нуждающимся в психологической помощи, способно привести к росту происшествий среди личного состава. Кроме того, не усилит ли стигматизацию психолога поручение ему дополнительных обязанностей по проведению специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа, что сейчас широко обсуждается в профессиональном сообществе¹⁵.

Еще один важный аспект рассматриваемой проблемы — *исторический*. История — это фундамент любой науки, а что бывает с домом, когда взрывают фундамент, мы и сами знаем. В каких исторических условиях появились военно-политические органы в советское время? Они появились в тех условиях обстановки, когда на военной службе вновь образованному Советскому государству понадобились военные специалисты («военспецы»), каковыми в то время были только белогвардейцы¹⁶. Известно, что с точки зрения психологии управления помощники должны быть «способными и преданными», потому что помощник способный, но не преданный подведет в трудное время руководителя в силу предательства, а помощник преданный, но неспособный подведет руководителя в трудное время в силу своей некомпетентности. При этом еще Н. Макиавелли указывал на то, что если имеются «способные, но не преданные» помощники, то «их услугами следует воспользоваться», приняв, однако, соответствующие меры¹⁷. В первые годы советской власти высшее военно-политическое руководство первого в истории Советского государства столкнулось с ситуацией наличия преданных, но некомпетентных в вопросах военного дела рабо-

чих и крестьян, с одной стороны, а с другой стороны, присутствия профессиональных в военном деле военспецов царской России, которые, однако, не были лояльны по отношению к новой власти. Для контроля за профессионалами белогвардейцами, перешедшими на службу новой советской власти, были организованы военно-политические органы. Эти органы просуществовали весь советский период, в который армия была «крепко стреножена», с одной стороны, органами государственной безопасности в войсках, а с другой — системой военно-политических органов (политруков, замполитов)¹⁸. При этом система военно-политических органов в системе власти в Советском государстве была по сути формой экстерналичного (внешнего) контроля за армией и флотом, поскольку руководитель Главного военно-политического управления ВС СССР был не только в подчинении министра обороны СССР, но и подчинен партийным органам и имел возможность прямых личных контактов с генеральным (первым) секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, которая была ядром политической системы общества (важно понимать, что в советском обществе не государственный аппарат, не государство, а партия была ядром политической системы общества; именно в партийном аппарате в СССР принимались все стратегические решения, которые потом лишь дублировались в собственно государственных органах). В общественном сознании даже возник образ эдакого бравого армейского командира, которого за одну руку держит особист, а за другую — замполит. Такая система гарантировала аполитичность армии, обеспечивала стабильность системы и гарантировала от попыток государственных переворотов со стороны армии. Из истории мы знаем, что в СССР не было удачных попыток военных переворотов (вообще в истории Российского государства последними удавшимися военными переворотами были дворцовые перевороты в XVIII в., когда «гвардия выкрикивала имя следующего императора», в XIX в. единственной попыткой военного переворота была неудачная попытка восстания декабристов в 1825 г., а в XX в. отречение императора от престола связывают с тем, что главные союзники России — армия и флот — подвели императора, когда, по сути, император был понужден к отречению именно военными, не найдя в их лице поддержку своей власти)¹⁹. Нужно отметить для объективности, что и во время прекращения Советского государства, которое Президент Российской Федерации

¹⁴ Белых-Силаев Д.В. Интервью «Солдаты правопорядка» / беседовал корреспондент Г.Г. Окоороков // *Вечерняя Москва*. 2020. 23–30 июля. С. 26–27.

¹⁵ Белых-Силаев Д.В. Некоторые аспекты проблемы законодательного регулирования применения полиграфа в Вооруженных Силах Российской Федерации // *Вестник Военного права*. 2020. № 2. С. 63–71; Белых-Силаев Д.В. Проблемы правового регулирования подготовки полиграфологов в Вооруженных Силах Российской Федерации // *Военное право*. 2020. № 5 (63). С. 120–125; Белых-Силаев Д.В., Балашов Н.М. Проблема подготовки кадров полиграфологов // *Юридическая психология*. 2016. № 2. С. 2–6; Белых-Силаев Д.В., Балашов Н.М., Жуков Н.М. Возможности применения полиграфа в Вооруженных Силах РФ // *Актуальные психолого-педагогические проблемы образовательной и военно-служебной деятельности*. Вып. 4. М.: ВУМО, 2015. С. 42–45.

¹⁶ Некрасов В.Ф. Аппарат ЦК КПСС в погонах и без. Некоторые вопросы обороны, госбезопасности, правоохранительной деятельности в ЦК КПСС (40-е — начало 90-х годов XX века). М., 2010. 384 с.

¹⁷ Макиавелли Никколо. *Государь*. М.: Эксмо, 2008. 512 с.

¹⁸ Президиум ЦК КПСС. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / под ред. А.А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2004. 1360 с.

¹⁹ Власть — это готовность и способность проводить свою волю даже вопреки сопротивлению, где властеотношения (политические отношения) — это отношения господства и подчинения, при которых воля и действия одних лиц (властвующих, субъектов власти) доминируют, довлеют над волей и действиями других лиц (подвластных или объектов властвования).

В.В. Путин в ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. назвал «крупнейшей геополитической катастрофой XX века», военно-политические органы СССР не смогли предотвратить распад Советского государства, что показало во многом их недостаточную эффективность, наличие в самой их конструкции тех «родовых травм», которые должны быть выявлены и проанализированы в наши дни, для того чтобы не допустить подобных ошибок в будущем. Это обстоятельство нужно учитывать при возрождении военно-политических органов в современной России, поскольку они ни в Министерстве обороны, ни в Росгвардии в настоящее время не выполняют функции экстерналичного (внешнего) контроля за этими федеральными органами исполнительной власти в силу того, что руководитель этих военно-политических органов подчинен руководителям этих федеральных органов исполнительной власти — министру обороны и директору Росгвардии. Поэтому в случае реализации курса на воссоздание военно-политических (политических) органов в других федеральных органах исполнительной власти, где предусмотрена военная служба, намерение к чему усматривается из объявленных вышеперечисленными документами решениями, может быть, было бы целесообразно создать межведомственный военно-политический орган, например, Главное военно-политическое управление (ГЛАВПУР) с прямым подчинением Президенту Российской Федерации (Администрации Президента Российской Федерации), который в соответствии с Конституцией Российской Федерации *ex officio* (по должности) является Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации.

В связи с возрождением военно-политических органов требуют анализа и собственно *правовые проблемы*, связанные с вопросом о возможной неконституционности этих органов. В 2019 году состоялся Приказ Министра обороны РФ от 22 июля 2019 г. № 404 «Об организации военно-политической работы в Вооруженных Силах РФ», которым утверждаются Основы организации военно-политической работы в ВС РФ. Из пункта 2 Основ усматривается, что «основы организации военно-политической работы в ВС РФ разработаны и реализуются в соответствии с Конституцией РФ», однако в ст. 13 Конституции РФ определено, что, во-первых, «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие» (а это значит, что военно-политические органы должны выстраивать так свою работу, чтобы признавать и идеологическое многообразие, либо их деятельность будет противоречить основному закону); во-вторых, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или общеобязательной» (идеология — это совокупность представлений, которые предлагается принимать на веру; идеология не является наукой, однако может и опираться на научные знания,

но может и не опираться на них; в ряде случаев идеологические установки могут прямо противоречить научным знаниям; идеология выражает частные интересы в форме всеобщности, задает на основе этих интересов оценку желательности либо нежелательности того или иного социального бытия)²⁰; в-третьих, «в Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность»; в-четвертых, «общественные объединения равны перед законом»; в-пятых, «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни».

Насколько соответствуют требования подзаконного нормативно-правового акта требованиям основного закона — Конституции Российской Федерации? Закон — это нормативно-правовой акт, обладающий высшей юридической силой, а Конституция — это основной закон, то есть в определенном смысле «закон законов». И хотя это прямо в действующей Конституции РФ, принятой на всеобщем голосовании в 1993 г., не определено, но усматривается из ст. 15 Конституции РФ, в которой установлено, что «Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ. Законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции РФ»²¹.

Не является ли военно-политическая агитация и пропаганда, организуемая в соответствии с п. 16 Основ, утвержденных Приказом Министра обороны РФ от 22 июля 2019 г. № 404, способом установления «государственной или общеобязательной» идеологии, что прямо запрещено ст. 13 Конституции РФ²². Все это вызывает к жизни определенные правовые сомнения в законности сформированных военно-политических органов. Если же существуют правовые сомнения в конституционности созданных военно-политических органов, то существует и риск того, что вся система этих органов может быть в одночасье признана неконституционной и упразднена, а факультеты подготовки замполитов в одночасье превратиться, используя термин Ю.О. Домбровского, в «факультет ненужных вещей»²³. Как устранить эти сомнения? Полагаем, что Главному

²⁰ Новая философская энциклопедия : в 4 т. / председ. науч.-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. 2816 с.

²¹ Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

²² Белых-Силаев Д.В. Формирование правоуполномоченного поведения сотрудников правоохранительных органов в ходе информирования личного состава // Юридическая психология. 2012. № 4. С. 5–8.

²³ Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей. М. : Азбука-классика, 2003. 544 с.

военно-политическому управлению Министерства обороны России следовало бы инициативно обратиться с этим вопросом в Конституционный Суд Российской Федерации. Конституционный Суд является 'viva vos' («живым голосом») права. У юристов ('iurisprudentes' — «юрис-прудентес» — «знатоки права») всегда могут быть сомнения (не случайно говорят, «один юрист — два мнения», «три юриста — двенадцать мнений»). Закон один — толкований много. Во многом Конституция Российской Федерации — это то, что сказал Конституционный Суд. В соответствии с действующими правилами решения Конституционного Суда Российской Федерации являются окончательными. Однажды автор статьи на научной конференции с участием судей Конституционного Суда РФ в пылу научной дискуссии задал им вопрос о том, почему решения Конституционного суда являются окончательными? Неужели они такие мудрые? На что судья Конституционного Суда РФ профессор Г.А. Гаджиев нашел, с нашей точки зрения, весьма меткий ответ, сказав, что «решения Конституционного Суда окончательные не потому, что они такие мудрые, а мудрые, потому что окончательные». Такая позиция придает стабильности правоотношениям. Поэтому обращение с соответствующим запросом в Конституционный суд позволило бы снять эти правовые сомнения.

Рассмотрим педагогический аспект изучаемой проблемы. Еще одной проблемой является проблема подготовки кадров замполитов. Ранее заместителей командиров по работе с личным составом в военно-учебных учреждениях готовили на основании интегрального статуса психолога и педагога, что обеспечивало присутствие на руководящих должностях в армии и на флоте носителей специальных психологических знаний, а это само по себе являлось фактором профилактики происшествий среди личного состава; кроме того, способствовало успешной реадaptации офицеров после завершения военной карьеры²⁴. С формированием военно-политических органов будут неизбежно меняться и учебные планы. Будущий замполит будет готовиться в вузе на основании какого образовательного стандарта, останутся ли в учебных планах собственно психологические дисциплины и в каком объеме? Или, может быть, будущий политрук по образованию должен быть политологом? Каковы риски наличия специальных политологических знаний у офицеров в Вооруженных силах, где офицер — это прежде всего командир (начальник)? Наличие специальных политологических знаний и полити-

²⁴ Белых-Силаев Д.В., Соболев С.Б. Влияние служебной деятельности на формирование личности курсанта вуза // Психология служебной деятельности : сборник научных статей ВУМО (Материалы межвузовской научно-методической конференции «Содержание, структура и методика преподавания учебной дисциплины "Психологическое обеспечение служебной деятельности"»). 24 сентября 2014 г.). М. : ВУМО, 2014. С. 37–39.

ческая подготовка офицеров в армии не приведет ли к политизации армии как социального института? Например, если человек не является автомехаником, то он не сможет ни собрать, ни разобрать автомобиль, так как он не обладает необходимыми для этого специальными знаниями, умениями и навыками. Если человек не обладает специальными политологическими знаниями, умениями и навыками, то сможет ли он управлять государственной машиной, претендовать на лидерство в политической системе общества? Есть государства, где армия — это ядро политической системы общества, потому что армейские офицеры мыслят в политических категориях, знают механизм и технологии овладения властью; в истории России, напомним, такая практика завершилась в XVIII в. в эпоху дворцовых переворотов, когда гвардия играла решающую роль в приводе к власти главы государства. Не приведет ли появление в учебных планах политологических дисциплин к тому, что мы вырастим в армии на офицерских должностях поколение циничных политехнологов, которые будут менять политическое руководство страны, а не носителей российской государственной идеи? И как это может сказаться на внутригрупповом статусе, например, министра обороны? Любой руководитель руководит прежде всего малой (контактной) группой численностью примерно в 30 человек. Не случайно военнoслужаший по призыву, бывший в период службы сержантом, заместителем командира взвода, командиром отделения, на любой работе в жизни может быть включен в силу данного обстоятельства в резерв на замещение руководящих должностей. Это связано с тем, что такой человек обладает лидерскими качествами, может вести за собой людей той малой группы, членом которой он является. Министр руководит министерством через своих заместителей (главкомов видов войск и т.д.), то есть через малую (контактную) группу, лидером в которой он является. Точно так же и высшие должностные лица (Председатель Правительства, Президент) министерствами и ведомствами, государством в целом руководят через руководство малой группой, членами которой являются главы министерств и ведомств. В связи с этим не будет ли министр обороны восприниматься Верховным главнокомандующим — Президентом Российской Федерации как потенциальный заговорщик, имеющий в своем подчинении целый аппарат политехнологов в лице подчиненных ему военно-политических органов и претендующий на лидерство в малой группе? Должна ли армия быть самостоятельным игроком на политической арене или быть аполитичным инструментом в руках высшего политического руководства страны, лишь помощником, способным и преданным, выполняющим исключительно функции обороны страны? На эти вопросы еще предстоит найти ответы в ходе свободного и открытого обсуждения этих вопросов на межведомственных

площадках с привлечением широкого круга специалистов, поскольку междисциплинарные области знаний являются в настоящее время самыми перспективными областями научных исследований,

а межведомственное и межотраслевое взаимодействие — кратчайшим путем к достижению научных целей и задач, стоящих в том числе и перед юридическими психологами.

Литература

1. Белых-Силаев Д.В. Акцентуации характера и подходы к их классификации / Д.В. Белых-Силаев, А.Г. Ивашин, Д.Е. Ланцов // *Юридическая психология*. 2013. № 2. С. 34–40.
2. Белых-Силаев Д.В. Влияние служебной деятельности на формирование личности курсанта вуза / Д.В. Белых-Силаев, С.Б. Соболев // *Психология служебной деятельности: материалы межвузовской научно-методической конференции «Содержание, структура и методика преподавания учебной дисциплины «Психологическое обеспечение служебной деятельности»»* (г. Москва, 24 сентября 2014 г.) / редактор А.В. Носов. Москва : ВУМО, 2014. С. 37–39.
3. Белых-Силаев Д.В. Возможности применения полиграфа в Вооруженных Силах РФ / Д.В. Белых-Силаев, Н.М. Балашов, Н.М. Жуков // *Актуальные психолого-педагогические проблемы образовательной и военно-служебной деятельности: тезисы выступлений участников военно-научной конференции* (г. Москва, 9 апреля 2020 г.) / редакторы : А.Г. Караяни [и др.]. Москва : Военный университет, 2015. Вып. 4. С. 42–45.
4. Белых-Силаев Д.В. Интервью «Солдаты правопорядка» / беседовал корреспондент Г.Г. О कोरोков // *Вечерняя Москва*. 2020. 23–30 июля.
5. Белых-Силаев Д.В. Концепция организации психологической службы в воинской части с позиции стратегии творчества Уолта Диснея / Д.В. Белых-Силаев, Е.Н. Сапьяник // *Юридическая психология*. 2018. № 2. С. 38–40.
6. Белых-Силаев Д.В. Некоторые аспекты проблемы законодательного регулирования применения полиграфа в Вооруженных Силах Российской Федерации / Д.В. Белых-Силаев // *Вестник военного права*. 2020. № 2. С. 63–71.
7. Белых-Силаев Д.В. Правовая интервенция в моббинг-процесс / Д.В. Белых-Силаев // *Юридическая психология*. 2008. № 4. С. 46–48.
8. Белых-Силаев Д.В. Проблема моббинга в работах зарубежных исследователей / Д.В. Белых-Силаев // *Юридическая психология*. 2008. № 1. С. 45–47.
9. Белых-Силаев Д.В. Проблема подготовки кадров полиграфологов / Д.В. Белых-Силаев, Н.М. Балашов // *Юридическая психология*. 2016. № 2. С. 2–6.
10. Белых-Силаев Д.В. Проблемы диагностики девиантного поведения в практике войскового психолога / Д.В. Белых-Силаев // *Юридическая психология*. 2019. № 1. С. 22–28.
11. Белых-Силаев Д.В. Проблемы правового регулирования подготовки полиграфологов в Вооруженных Силах Российской Федерации / Д.В. Белых-Силаев // *Военное право*. 2020. № 5 (63). С. 120–125.
12. Белых-Силаев Д.В. Психологическая составляющая профессиональной деятельности следователя в ситуации работы с потерпевшим при возникновении острой реакции на стресс / Д.В. Белых-Силаев // *Юридическая психология*. 2012. № 3. С. 38–40.
13. Белых-Силаев Д.В. Психологический актив войсковой части / Д.В. Белых-Силаев // *Юридическая психология*. 2018. № 4. С. 29–34.
14. Белых-Силаев Д.В. Типология личности военнослужащего в зависимости от акцентуации характера / Д.В. Белых-Силаев // *Юридическая психология*. 2017. № 4. С. 30–38.
15. Белых-Силаев Д.В. Формирование правопослушного поведения сотрудников правоохранительных органов в ходе информирования личного состава / Д.В. Белых-Силаев // *Юридическая психология*. 2012. № 4. С. 5–8.
16. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под редакцией А.Н. Яковлева ; составители : В. Наумов, Ю. Сигачев. Москва : МФД, 1999. 512 с.
17. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991 : справочник / под редакцией А.Н. Яковлева ; авторы-составители : А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Москва : МФД, 2003. 768 с.
18. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли. Москва : Эксмо, 2008. 512 с.
19. Некрасов В.Ф. Аппарат ЦК КПСС в погонах и без : некоторые вопросы обороны, госбезопасности, правоохранительной деятельности в ЦК КПСС (40-е — начало 90-х годов XX века) / В.Ф. Некрасов. Москва : Куликово поле, 2010. 384 с.
20. Новая философская энциклопедия. В 4 томах / председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Мысль, 2010. 2816 с.
21. Президиум ЦК КПСС. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / под редакцией А.А. Фурсенко. Москва : РОССПЭН, 2004. 1360 с.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram! Анонсы мероприятий, фотоотчеты и свежие новости нашего издательства. Подписывайтесь!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo/>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВС РФ

ГОРБАЧЕВ ИВАН ВАДИМОВИЧ,
адъюнкт Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
014130@mail.ru

В статье рассматривается понятие «психологическое благополучие», изучаются два основных подхода к рассмотрению вопроса психологического благополучия. Автор акцентирует внимание на том, что психологическое сопровождение и индивидуально-воспитательная работа в процессе прохождения службы напрямую влияют на психологическое благополучие военнослужащих. В статье проводится эксперимент на предмет психологического благополучия военнослужащих. Автор статьи делает вывод, что психологическое сопровождение и проведение индивидуально-воспитательной работы с военнослужащими повышает показатель «высокое психологическое благополучие» и снижает показатель «низкое психологическое благополучие».

Ключевые слова: психологическое благополучие, военнослужащие, эксперимент, военная психология, эвдемонистическое направление, психологическое сопровождение.

THE INFLUENCE OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT AND INDIVIDUAL EDUCATIONAL WORK ON THE MENTAL WELL-BEING OF MILITARY SERVICEMEN OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

GORBACHEV IVAN V.
Junior Scientific Assistant of the Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation

The concept of 'psychological well-being' is considered in the article, two main approaches to the consideration of psychological well-being are studied. The author focuses on the fact that psychological support during the course of service directly affects the psychological well-being of military personnel. The article is an experiment on the subject of psychological well-being of military personnel. The author of the article concludes that the psychological support of military personnel increases the indicator 'high psychological well-being' and reduces the indicator 'low psychological well-being'.

Keywords: psychological well-being, military personnel, experiment, military psychology, eudaimonistic trend, psychological support.

Введение

Обеспечение психологического благополучия военнослужащих становится на сегодняшний день актуальной задачей для специалистов по работе с личным составом всех силовых структур¹.

Это вполне объяснимо потому, что только удовлетворенный жизнью, счастливый человек, осознающий свою службу как «дело своей жизни»

и воспринимающий ее как вершину самоактуализации, может выполнять те сложные, сопряженные с риском, самоограничениями и лишениями задачи военной службы, которые ставит перед ним общество.

Психологическое благополучие военнослужащих — это субъективное осознанное переживание личностью внутренней гармонии, позитивных отношений с другими людьми, независимости, контроля над обстоятельствами, наличия целей в жизни и личностного роста, обеспечивающее самопринятие себя в военно-социальной роли и позволяющее успешно функционировать в военно-профессиональной среде, испытывая при этом состояние удовлетворенности и комплекс положительных эмоций, связанных с общей жизнедеятельностью и военной службой.

¹ Белых-Силаев Д. В., Сапьяник Е. Н. Концепция организации психологической службы в воинской части с позиции стратегии творчества Уолта Диснея // Юридическая психология. 2018. № 2. С. 38–40; Белых-Силаев Д. В. Проблемы диагностики девиантного поведения в практике войскового психолога // Юридическая психология. 2019. № 1. С. 22–28; Белых-Силаев Д. В. Типология личности военнослужащего в зависимости от ведущей акцентуации характера // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 30–38.

В настоящий момент в психологии существуют два подхода к изучению психологического благополучия: гедонистическое и эвдемонистическое².

Теоретическую основу для понимания данного феномена в 1969 г. заложил американский психолог Н. Бредберн³. Немного позднее в работах Э. Динера⁴ было охарактеризовано семантически близкое понятие «субъективное благополучие», которое тоже получило большое распространение в зарубежной психологии. В ряде концепций субъективного благополучия внимание акцентируется на положительных эмоциях, сопряженных с ним, что составляет гедонистическую линию трактовки этого феномена.

К. Рифф разработала эвдемонистический вариант структуры психологического благополучия⁵. В него входят 6 элементов позитивного функционирования личности: «принятие себя» (позитивная оценка себя, своей жизни), «личностный рост», «цель в жизни», «позитивные отношения с другими», «контроль над окружающей средой» (способность эффективно управлять своей жизнью и окружающей средой) и «автономия» (самодетерминация), включенные исследовательницей в опросник «Шкала психологического благополучия»⁶.

Военная психология как отрасль психологической науки изучает психологическое состояние военнослужащих как объект, чья область деятельности специфична и сопряжена со многими рисками, среди которых повышенное психологическое напряжение, угроза здоровью и жизни.

В военной психологии понятие «психологическое благополучие» на настоящий момент времени практически не раскрыто.

Автор эмпирическим путем показал, что такое социально-психологическое образование, как «психологическое благополучие», имеет большое значение в жизни военнослужащего.

Проведенный анализ экспертного опроса военных психологов показал, что в тех военных частях, где командиры, психологи и офицеры-воспитатели в своей деятельности делают упор на индивидуально-

воспитательную работу с военнослужащими, не умоляя при этом роли групповых консультируемых, психологическое благополучие военнослужащих выше, чем там, где военного психолога либо нет, либо психологическому сопровождению и воспитанию в рамках индивидуально-воспитательной работы не уделяется должного внимания.

Мы склонны предположить, что в тех военных частях, где эффективно работают военные психологи и офицеры-воспитатели, психологическое благополучие военнослужащих будет выше, чем психологическое благополучие военных, служащих в тех частях, где военного психолога либо нет, либо психологическому сопровождению и воспитанию практически не уделяется должного внимания.

В данной статье нашей эмпирической задачей является исследование психологического благополучия военнослужащих, для которых осуществляется психологическое сопровождение и индивидуально-воспитательная работа проводится более подготовленными и грамотными офицерами. Психологическое благополучие будет выше, чем в тех подразделениях, где большее значение отдают групповым работам, а индивидуально-воспитательная работа ограничивается только планом беседы и записью в педагогическом дневнике. Исследовать вопрос мы будем в рамках эвдемонистического направления в изучении психологического благополучия.

Методы исследования

В основу метода положен опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко)⁷.

К. Рифф выделила шесть параметров психологического благополучия (шесть шкал в опроснике), среди которых:

1. Положительные отношения с другими.
2. Автономия.
3. Управление окружением.
4. Личностный рост.
5. Цель в жизни.
6. Самопринятие.

Опросник К. Рифф содержит 84 вопроса и интегральный показатель. Мы проводили исследование на двух группах военных. Для первой группы (А) на всех этапах прохождения военной службы осуществлялось психологическое сопровождение военных психологов. Вторая группа (Б) проходила военную службу без психологического сопровождения.

Группа А — 24 человека.

Группа Б — 26 человек.

Каждому члену эксперимента было предложено пройти опросник. Далее нами выявлялся об-

² Воронина А.В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. № 3.

³ Bradburn N. The Structure of Psychological well-being. Chicago, 1969. 320 p.

⁴ Diener E. Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. № 68. P. 653–663; Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. № 95. P. 542–575; Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective Well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125 (2). P. 276–302.

⁵ Ryff C., Singer B. Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being // Journal of Happiness Studies. 2008. Vol. 9 (1). P. 13–39. DOI: 10.1007/s10902-006-9019-0

⁶ Лепешинский Н.Н. Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 24–37.

⁷ Опросник психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко (по сост. на 06.03.2020). URL: <http://dip-psi.ru/psikhologicheskoye-testy/post/oprosnik-shkala-psihologicheskogo-blagopoluchiya-k-riff-adaptatsiya-t-d-shevelenkovoyp-p-fesenko>

щий показатель, который имеет следующие уровни выраженности:

- 0–323 балла — низкий уровень психологического благополучия;
- 324–353 балла — средний уровень;
- выше 354 баллов — высокий уровень.

Результаты и обсуждение

Члены группы А показали следующие результаты.

3 человека показали высокий уровень психологического благополучия, 18 человек средний уровень, 3 человека — низкий уровень. Отобразим результаты на рисунке 1.

Рис. 1. Результаты прохождения опросника группой А

Результаты прохождения опросника группой Б были следующие:

- Высокий уровень: 1.
 - Средний уровень: 17.
 - Низкий уровень: 9.
- Отобразим результаты на рисунке 2.

Рис. 2. Результаты прохождения опросника группой Б

Теперь рассмотрим, какова разница между обеими группами:

- Высокий уровень психологического благополучия (разница): 2 (в пользу группы А).
 - Средний: 1 (в пользу группы А).
 - Низкий: 6 (в пользу группы Б).
- Отобразим разницу на рисунке 3.

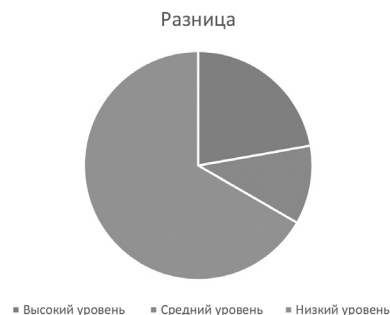

Рис. 3. Разница в результатах после прохождения опросника

Таким образом, по мнению автора, существует разница между той группой, для которой осуществлялось психологическое сопровождение и индивидуально-воспитательная работа проводилась качественнее, и той группой, с которой психологическое сопровождение и индивидуально-воспитательная работа не проводились на должном уровне.

Так, эффективность психологического сопровождения и проведение индивидуально-воспитательной работы нашла свое подтверждение экспериментальным путем.

Выводы

Высокий уровень психологического благополучия в группе А наблюдался у троих человек, в группе Б — всего у одного военнослужащего. 18 и 17 человек в обеих группах показали результат «среднее психологическое благополучие». Наибольший разброс выявился по показателю «низкое психологическое благополучие»: в группе А — 3 человека, в группе Б — 9 человек, разница составила 6 человек.

Таким образом, психологическое благополучие военнослужащих напрямую зависит от психологического сопровождения и индивидуально-воспитательной работы, а именно больше всего варьируются крайние показатели: «высокий уровень психологического благополучия» и «низкий уровень психологического благополучия». Для качественной подготовки военнослужащих, у которых психологическое благополучие будет на высоком уровне, требуются индивидуальный подход к каждому военнослужащему и сопровождение его на всем протяжении службы. Офицеры-воспитатели должны как минимум один раз в месяц провести беседу с каждым военнослужащим, а с лицами, которые имеют «низкое психологическое благополучие», беседа должна проводиться не реже двух раз в месяц, а по возможности, и больше. Психологам, столкнувшимся с низким психологическим благополучием у военнослужащих, в первую очередь нужно снизить показатель тревожности, повысить уровни активности, удовлетворенности, отношения к жизни, понизить уровень социальной пассивности. При соблюдении вышеизложенного уровень психологического благополучия в подразделении будет выше и поставленные задачи будут решаться намного быстрее, качественнее и эффективнее.

Литература

1. Белых-Силаев Д.В. Концепция организации психологической службы в воинской части с позиции стратегии творчества Уолта Диснея / Д.В. Белых-Силаев, Е.Н. Сапьяник // Юридическая психология. 2018. № 2. С. 38–40.
2. Белых-Силаев Д.В. Проблемы диагностики девиантного поведения в практике войскового психолога / Д.В. Белых-Силаев // Юридическая психология. 2019. № 1. С. 22–28.
3. Белых-Силаев Д.В. Типология личности военнослужащего в зависимости от ведущей акцентуации характера / Д.В. Белых-Силаев // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 30–38.
4. Воронина А.В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа / А.В. Воронина // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 142–147.
5. Лепешинский Н.Н. Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф / Н.Н. Лепешинский // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 24–37.
6. Bradburn N. The Structure of Psychological well-being / N. Bradburn ; With the assistance of C.E. Noll. Chicago : Aldine Publishing Company, 1969. 320 p.
7. Diener E. Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem / E. Diener // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 68. P. 653–663.
8. Diener E. Subjective well-being / E. Diener // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. P. 542–575.
9. Diener E. Subjective Well-being: Three decades of progress / E. Diener, E.M. Suh, R.E. Lucas, H.L. Smith // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. Iss. 2. P. 276–302.
10. Ryff C. Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being / C. Ryff, B. Singer // Journal of Happiness Studies. 2008. Vol. 9. Iss. 1. P. 13–39. DOI: 10.1007/s10902-006-9019-0

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛИГРАФА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ЗНАЧИМОСТИ НЕОСОЗНАВАЕМЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ

СВОБОДНЫЙ ФЕЛИКС КОНСТАНТИНОВИЧ,
доцент кафедры психологии и организации правоохранительной деятельности
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат психологических наук, доцент
sfk_felix@mail.ru

СВОБОДНЫЙ БОРИС ФЕЛИКСОВИЧ,
специалист Алтайской региональной общественной организации
«Ассоциация защиты прав потребителей»
sbf-boris1@mail.ru

В статье проводится анализ отечественных и зарубежных ряда исследований по проблеме неосознаваемого восприятия, а также описываются результаты собственного эксперимента по идентификации субъективно значимых для испытуемых неосознаваемых визуальных стимулов. Показывается, что визуальный стимул, не осознаваемый человеком, но имеющий для него высокую субъективную значимость, вызывает кожно-гальванические реакции. Делается вывод о том, что при помощи полиграфа возможно осуществление диагностики субъективной значимости для испытуемых неосознаваемых визуальных стимулов. Предлагается использовать механизм неосознаваемого восприятия для предварительного опознания преступников, а также для диагностики информированности допрашиваемых лиц об обстоятельствах расследуемых преступлений.

Ключевые слова: неосознаваемое восприятие, значимость стимула, полиграф, расследование преступлений.

THE USE OF A POLYGRAPH TO DETERMINE SUBJECTIVE IMPORTANCE OF UNCONSCIOUS VISUAL STIMULI

SVOBODNY FELIKS K.
Senior Lecturer of the Department of Psychology and Arrangement
of Law Enforcement of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
PhD in Psychology, Associate Professor

SVOBODNY BORIS F.
Specialist at Consumer Right Protection Association Altai Regional Public Organization

The article analyzes a number of domestic and foreign studies on the problem of unconscious perception, as well as describes the results of their own experiment to identify subjectively significant unconscious visual stimuli for the subjects. It is

shown that a visual stimulus, which is not recognized by a person, but has a high subjective significance for him, causes skin-galvanic reactions. It is concluded that using a polygraph, it is possible to diagnose the subjective significance of unconscious visual stimuli for the subjects. It is proposed to use the mechanism of unconscious perception for preliminary identification of criminals, as well as to diagnose the awareness of interrogated persons about the circumstances of the crimes being investigated.

Keywords: unconscious perception, stimulus significance, the polygraph, the investigation of crimes.

Применение полиграфа правоохранительными органами России уже имеет многолетнюю историю. Несмотря на неоднозначное отношение суда к результатам судебных экспертиз с использованием полиграфа, данный метод активно применяется в правоохранительных органах и в коммерческих структурах, в процессе расследования происшествий и преступлений, а также при профессионально-психологическом отборе кадров для получения ориентирующей информации.

По нашему мнению, грамотно организованная процедура опроса с использованием полиграфа представляет собой психологический эксперимент по диагностике субъективной значимости для испытуемого предъявляемых ему стимулов, о чем один из авторов данной статьи давно и неоднократно уже отмечал в своих работах¹.

Традиционно технология исследования с использованием полиграфа предполагает осознанное восприятие слуховых (слова, словосочетания, предложения) или визуальных (фотографии, схемы, карты и т.д.) стимулов².

В нашем эксперименте мы предприняли попытку вычленив значимый для испытуемого визуальный стимул из группы незначимых (менее значимых) визуальных стимулов в условиях неосознаваемого восприятия.

В современной психологии восприятие понимается и как «субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов» и как «сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа предмета, явления»³.

Как известно, в функционировании восприятия велика роль процессов, не осознаваемых воспринимающим субъектом. Примером может служить механизм, обеспечивающий целостность восприятия, при котором «мозг дополняет» воспринимаемые детали объекта или явления при помощи памяти или воображения. Данный процесс человек не осознает. Также, например, при восприятии нового собеседника человек одновременно не осознает все детали его внешнего вида (рост, телосложение, одежда, прическа, улыбка и т.д.), однако все эти детали воспринимаются, и именно комплексный образ этих восприятий в первое время опосредует субъективное отношение воспри-

нимающего к собеседнику («встречают по одежке...»). В данных случаях мы, очевидно, сталкиваемся с такими процессами восприятия, которые являются бессознательным отражением действительности, и, следовательно, могут именоваться «неосознаваемым восприятием».

Как подчеркивает Э.А. Костандов, «значительное число психологов, психофизиологов и психиатров считает реальным “бессознательное” отражение внешнего мира на психическом уровне и рассматривает реакции на неосознанные стимулы из окружающей среды как важнейшее явление в организации психической деятельности человека»⁴.

В настоящей работе неосознаваемое восприятие (субсенсорное восприятие или подпороговое восприятие) определяется как форма непосредственного психического отражения действительности, обуславливаемая такими раздражителями, о воздействии которых субъект не может дать себе отчета.

Проблема экспериментального изучения неосознаваемого восприятия имеет достаточно давнюю историю.

В России, пожалуй, первой предположение о влиянии неосознаваемых стимулов на психику человека доказала М.П. Сулова в 1863 г. Ее эксперименты свидетельствовали о том, что воздействие на кожу человека неощущаемого электрического тока изменяет динамику последующих кожных ощущений⁵.

Одним из первых зарубежных исследователей неосознаваемого восприятия можно считать К. Данлэпа, который в 1900 г. в эксперименте по изучению зрительных иллюзий выявил, что не воспринимаемые испытуемым линии наблюдаемых геометрических фигур влияли на субъективное оценивание испытуемым расстояний между сегментами данных фигур. А в 1904 году К. Данлэп в результате экспериментального изучения восприятия человеком звуковых раздражителей обнаружил, что испытуемые могли дать словесный отчет о прекращении действия очень слабых звуковых раздражителей, хотя сами звуки при этом испытуемые затруднялись дифференцировать. Данный факт позволил К. Данлэпу сделать вывод о наличии у человека неосознаваемого восприятия звуковых раздражителей⁶.

В 1938 году Л.Е. Бейкер в результате эксперимента выработал у нескольких испытуемых условный зрачковый рефлекс на звуковой сигнал, интенсивность которого была ниже порога слышимости, подтвердив тем самым наличие неосознаваемого восприятия человеком «неслышимых» звуков⁷.

¹ Свободный Ф.К. Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа как новый вид судебной психологической экспертизы // Вестник Алтайской академии экономики и права. Вып. 1 (19). 2011. С. 163–169.

² Бельх-Силаев Д.В., Топорков А.А. Тактика назначения криминалистических исследований с применением полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений // Юридическая психология. 2019. № 2. С. 12–16.

³ Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М., 2009. 811 с.

⁴ Костандов Э.А. Восприятие и эмоции. М.: Медицина, 1977. С. 23.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Dunlap K. Some peculiarities of fluctuating and inaudible sounds // Psychol. Rev. 1904. Vol. 11. P. 308–318.

⁷ Baker L.E. The pupillary response conditioned to subliminal auditory stimuli // Psycho. Monogr. 1938. Vol. 50.

Значительный вклад в исследование проблемы неосознаваемого восприятия внес Г.В. Гершуни, организовавший совместно со своими сотрудниками в 1945–1950-х гг. в СССР серию экспериментов, результаты которых убедительно доказали, что звуковые раздражители интенсивностью ниже порога слышимости вызывают в организме человека объективно регистрируемые вегетативные или биоэлектрические реакции: например, реакцию расширения зрачка, кожно-гальваническую реакцию, реакцию в системе дыхания и т.д. Данные реакции Г.В. Гершуни назвал «субсенсорными реакциями»⁸.

В конце 40-х гг. XX в. группа психологов под руководством Дж. Брунера и Л. Постмана, названная впоследствии «Новый взгляд» ('New Look'), провела серию экспериментов по изучению феноменологии неосознаваемого зрительного восприятия слов и сюжетных картин. В эксперименте, в частности, использовались эмоциональные слова негативного характера (так называемые «слова-табу»), употребление которых порицается в обществе. В ходе эксперимента выяснилось, что порог осознания испытуемыми «слов-табу», выявляемый изменением частоты тахистоскопического предъявления изображенного (написанного на слайде) слова, был выше при тех же условиях эксперимента, чем порог осознания слов, имеющих для испытуемых нейтральный характер. Также был обнаружен тот факт, что предъявление «слов-табу» при коротких экспозициях, не позволяющих испытуемым осознать значение предъявляемых слов, способно вызывать у испытуемых кожно-гальваническую реакцию⁹.

Для объяснения описанных выше и других, выявленных в ходе данных экспериментальных работ феноменов неосознаваемого восприятия Дж. Брунер предложил три принципа организации перцептивной деятельности, касающихся селективной функции восприятия: «принцип резонанса», «принцип защиты» и «принцип сенсильности». Принцип резонанса связывает восприятие с потребностями и ценностями личности: согласно этому принципу, стимулы, релевантные потребностям и ценностям личности воспринимаются быстрее, чем нейтральные стимулы. Согласно принципу защиты восприятие детерминировано установкой и защитными механизмами психики, поэтому стимулы, противоречащие ожиданиям личности, а также неприятные, неприемлемые стимулы осознаются позднее нейтральных стимулов, значительно при этом искажаясь. Принцип сенсильности проявляется в быстрых реакциях психического отражения на стимулы, несущие угрозу для данной личности на физическом или психическом уровнях, поэтому такие стимулы воспринимаются раньше (быстрее) всех остальных стимулов¹⁰.

⁸ Гершуни Г.В. Изучение субсенсорных реакций при деятельности органов чувств // Физиол. журн. СССР. 1947. Т. 33. № 4. С. 393–412.

⁹ Bruner J.S., Postman L. An approach to social perception // In : Dennis W. (ed.) Current trends in social psychology. Pittsburgh, 1948.

¹⁰ Bruner J.S., Minturn A.L. Perceptual identification and the perceptual organization // Journal of General psychology. 1955. Vol. 53. № 1. P. 21–28.

Проанализировав в своей монографии «Восприятие и эмоции» многочисленные эксперименты по феноменологии неосознаваемого восприятия, проведенные зарубежными и отечественными учеными к концу 80-х гг. XX в., а также опираясь на результаты своих собственных исследований Э.А. Костандов выявил, что наибольшие реакции на неосознаваемые стимулы («эффект неосознаваемых слов») возникают при совпадении двух факторов: 1) слова должны быть эмоционально значимы для испытуемого в момент эксперимента и 2) у испытуемого в эксперименте должен быть высокий уровень мотивации или эмоционального напряжения¹¹.

Эксперименты по изучению визуального восприятия неосознаваемых стимулов проводились многочисленными исследователями из разных стран и в конце XX — начале XXI в. Из большого количества научных работ, согласно тематике нашей статьи, отметим эксперименты Э.Х.Ф. Хаана, А.В. Янга и Ф. Ньюкомба, которые выявили наличие кожно-гальванической реакции у испытуемых при коротком предъявлении им фотографий знакомых лиц в таких условиях, которые исключали осознанное узнавание этих лиц¹².

Проведенный выше выборочный анализ опубликованных экспериментальных научных работ убедительно доказывает следующее:

— в психике человека существует феномен неосознаваемого восприятия (зрительного, слухового и т.д.);

— восприятие неосознаваемого стимула проявляется прежде всего в биоэлектрических и вегетативных реакциях организма человека (в том числе в кожно-гальванических реакциях);

— неосознаваемые стимулы, имеющие для человека существенную субъективную (эмоциональную, ценностную, потребностную и т.д.) значимость, вызывают более выраженные реакции организма по сравнению с другими неосознаваемыми стимулами.

Из вышеозначенных постулатов вытекает возможность экспериментальной диагностики субъективной значимости для человека неосознаваемого визуального стимула через анализ вегетативных реакций организма данного человека, регистрируемых при помощи полиграфа.

Для проверки возможности диагностики значимости изображения в условиях неосознаваемого восприятия нами был проведен лабораторный эксперимент со студентами одного из юридических вузов.

Для участия в эксперименте на добровольной основе были сформированы две группы испытуемых. В первую (экспериментальную) группу мы отобрали десять студентов мужского пола второго курса очной формы обучения, которые несколько дней назад получили неудовлетворительные оценки за устный экзамен у преподавателя Н.

¹¹ Костандов Э.А. Указ. соч. С. 106.

¹² Haan E.H.F., Young A.W., Newcomb F. Face recognition without awareness // Cognitive Neuropsychology. 2007. Vol. 4. № 4. P. 385–415.

Здесь необходимо отметить, что преподаватель Н. отличается яркой манерой преподавания, энергичным темпераментом и высокой требовательностью к знаниям экзаменуемых. Исходя из этих данных, мы предполагали, что для студентов, недавно получивших от преподавателя Н. неудовлетворительную оценку на устном экзамене, фотография преподавателя Н. будет являться особо значимым стимулом, по сравнению с фотографиями других, незнакомых преподавателей.

Во вторую (контрольную) группу испытуемых вошло десять студентов мужского пола первого курса очной формы обучения, у которых преподаватель Н. еще не вел занятия.

Также для эксперимента нами было отобрано десять фотографий преподавателей, сопоставимых по однородности характеристик пола, телосложения, возраста и формы лица с фотографией преподавателя Н. Фотографии преподавателей были взяты с сайта вуза — т.е. находились в свободном доступе в сети Интернет.

При помощи компьютерной программы было составлено шесть последовательностей фотографий преподавателей для предъявления их студентам в стробоскопическом режиме, исключавшем осознание фотографий испытуемыми. При этом две из шести последовательностей фотографий содержали фотографию преподавателя Н.

Скорость предъявления фотографий в последовательности была подобрана для каждого из испытуемых с учетом индивидуальных значений нижнего порога осознания зрительного стимула, выявленных в процессе предшествующего установочного эксперимента. Длительность одной последовательности фотографий варьировалась от двух до четырех секунд. Интервал между последовательностями фотографий составлял десять секунд. Фотографии предъявлялись на 24-дюймовом мониторе компьютера, расположенном напротив лица испытуемого, на расстоянии полтора метра.

Студенты обеих групп не знали о том, фотографии каких преподавателей будут предъявляться. Испытуемым была дана инструкция сидеть спокойно, расслабленно, не делать лишних движе-

ний, не отводить взгляда от монитора и пытаться увидеть (отгадать), фотографии каких преподавателей предъявляются.

В процессе предъявления визуальных стимулов параллельно осуществлялась запись динамики кожно-гальванической реакции (КГР) с фаланг указательного и среднего пальцев руки испытуемого. Запись КГР осуществлялась при помощи компьютерного полиграфа марки «Поларт», при этом программа компьютерного полиграфа была синхронизирована с компьютерной программой, управляющей предъявлениями последовательностей фотографий преподавателей.

В результате проведенных нами экспериментов было установлено, что у большинства испытуемых экспериментальной группы (студентов, «проваливших» устный экзамен у преподавателя Н.) кожно-гальванические реакции в ответ на последовательности фотографий, содержащих фотографию преподавателя Н., по интенсивности устойчиво превышали КГР, возникавшие в ответ на последовательность фотографий, не содержащих фотографии преподавателя Н.

У испытуемых контрольной группы (студентов, не знавших преподавателя Н. и не сдававших ему устный экзамен) выраженность кожно-гальванических реакций на последовательности фотографий, содержащих фотографию преподавателя Н., и выраженность КГР, возникавших в ответ на последовательности фотографий, не содержащих фотографии преподавателя Н., значительно не отличались между собой.

Результаты нашего эксперимента позволяют сделать вывод о том, что при помощи полиграфа возможно осуществление диагностики значимости для испытуемого предъявляемых ему визуальных стимулов, содержание которых испытуемым не осознается.

Мы полагаем, что полученные в нашем лабораторном эксперименте результаты могут быть использованы в работе следственных органов для предварительного опознания лиц в процессе установления круга подозреваемых в совершении преступления и связей между ними, а также для построения версий относительно особенностей информированности допрашиваемых лиц об обстоятельствах расследуемых событий.

Литература

1. Бельх-Силаев Д.В. Тактика назначения криминалистических исследований с применением полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений / Д.В. Бельх-Силаев, А.А. Топорков // *Юридическая психология*. 2019. № 2. С. 12–16.
2. Большой психологический словарь / под редакцией Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. 4-е изд., расшир. Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009. 811 с.
3. Гершуни Г.В. Изучение субсенсорных реакций при деятельности органов чувств / Г.В. Гершуни // *Физиологический журнал СССР*. 1947. Т. 33. № 4. С. 393–412.
4. Костандов Э.А. Восприятие и эмоции / Э.А. Костандов. Москва : Медицина, 1977. 247 с.
5. Свободный Ф.К. Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа как новый вид судебной психологической экспертизы / Ф.К. Свободный // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2011. № 1 (19). С. 163–169.
6. Baker L.E. The pupillary response conditioned to subliminal auditory stimuli / L.E. Baker // *Psychological Monographs*. 1938. Vol. 50. Iss. 3. P. 1–32.
7. Bruner J.S. Perceptual identification and the perceptual organization / J.S. Bruner, A.L. Minturn // *Journal of General psychology*. 1955. Vol. 53. Iss. 1. P. 21–28.
8. Bruner J.S. An approach to social perception / J.S. Bruner, L. Postman // *Current trends in social psychology* / ed. by W. Dennis. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1948. P. 71–118.
9. Dunlap K. Some peculiarities of fluctuating and inaudible sounds / K. Dunlap // *Psychology Review*. 1904. Vol. 11. P. 308–318.
10. Haan E.H.F. Face recognition without awareness / E.H.F. Haan, A.W. Young, F. Newcomb // *Cognitive Neuropsychology*. 2007. Vol. 4. Iss. 4. P. 385–415.